

Адель

КАПЛЯ КОРОЛЕВСКОЙ КРОВИ

Крылова Ирина

Ирина Крылова

Адель. Капля королевской крови

«Accent Graphics communications»

2013

Крылова И. А.

Адель. Капля королевской крови / И. А. Крылова — «Accent Graphics communications», 2013

Маленькая сирота Адель, стараниями приходского священника попадает в богатый женский монастырь в Васконии. Девочке несколько лет приходится выполнять нелегкие обязанности служанки и наперсницы у больной госпожи, которая является дочерью свергнутого короля. Жизнь маленькой принцессы меняется после того, как ее брат, принц Гунальд вступает на трон. Однако еще больше меняется положение ее служанки, которую после смерти госпожи все, включая короля, принимают за принцессу Беренгарию Васконскую. Но принесет ли счастье самой девушки такое перевоплощение? Принесет. Правда, перед этим Адель ожидают два вынужденных брака, предательство и преданность, плен и корона.

© Крылова И. А., 2013

© Accent Graphics
communications, 2013

Содержание

Часть 1	5
Глава 1	5
Глава 2	11
Глава 3	16
Глава 4	20
Глава 5	30
Часть 2	36
Глава 1	36
Глава 2	39
Конец ознакомительного фрагмента.	43

Ирина Крылова

Адель. Капля королевской крови

Часть 1

Глава 1

– Ну, что малышка, доброй тебе дороги, – с тяжелым вздохом произнес отец Бенедикт.

Пожилему священнику было грустно расставаться с этим милым смышленным ребенком. Совершенно неожиданно перед сиротой открывались хорошие возможности и было бы сущим эгоизмом не дать ей ими воспользоваться. Ну, а помогать ему станет кто-то другой, наверняка станет. Маленькая девочка, укутанная с ног до головы в потертое шерстяное одеяло лишь махнула рукой. Она чувствовала, что к глазам подкатывают слезы и если она только откроет рот, что бы хоть что-то сказать в ответ, то уже не сможет сдержаться и разревется в голос. Лошади тронулись в путь, но Аделаида все еще продолжала смотреть на низкую часовенку и сторбленную фигуру старого священника. Как же тяжело ей было оставлять за спиной этого человека, и родной поселок, растянувшийся по берегу беспокойного моря. Она была так счастлива здесь, особенно, когда была жива ее мать. Воспоминания снова перенесли ребенка в старую лачугу, в которой они жили. Мама. Мамочка. Такая красивая. Она всегда улыбалась. И пусть еды иногда не хватало, зато вместо ужина мама потчевала дочь занимательными историями и рассказами. Мария Лурье занималась не очень почетным и не особенно прибыльным, однако самым доступным для одинокой молодой женщины ремеслом – она была проституткой. Их рыбацкий поселок примыкал к небольшому портовому городку Сан Жан де Люз, гордостью которого была не только мощеная камнем пристань, но построенный недавно храм Иоанна Крестителя. И хотя ремесленники и мастера еще трудились над его отделкой, однако важный и толстый епископ Брандерский присланный из самой столицы Панплоны уже проводил праздничные богослужения. Хотя, сказать по чести сама Адель ни разу не видела этот величественный храм, так как очень редко бывала в городе. Обычно маленькая Аделаида вставала рано и съев сухарик или кусочек рыбы оставшейся с обеда бежала играть с остальными ребятишками к морю или собирала по берегу красивую гальку. А иногда даже получалось найти выброшенную на берег рыбу. И пусть она была уже дохлой и невкусной, зато вполне съедобной, и главное бесплатной. Мама после работы в порту приходила лишь к утру и спала до обеда. А вот вторая половина дня принадлежала только им двоим. Как же Адель любила их неспешные прогулки по берегу моря или тихие беседы перед чадившим полуразрушенным очагом. Им никогда не было скучно вдвоем в своем маленьком мирке. А еще больше их сближала тайна. Мама знала грамоту. Сама Мария никогда не говорила кто научил ее читать и писать, но с раннего возраста она ежедневно обучала этим редким навыкам дочь. В деревне лишь отец Бенедикт, служащий писарем в старой часовне все это умел. Да и в самом городе наверное только священники и сам сеньор де Уртубье понимали эту сложную грамоту. И если бы в округе узнали что нищая пришедшая проститутка умеет читать и знает латынь, то появилось бы слишком много вопросов, ненужных вопросов. Впрочем Адель не было до этого никакого дела. Вечерами, когда мать уходила в порт работать или приводила очередного клиента домой, Адель убегала в часовню и часами смотрела как отец Бенедикт выводит гусиным пером красивые буквы на дорогой желтовато белой бумаге. Вот уже более десяти лет пожилой священник делал копию с «Истории христианства» написанной Константином еще несколько веков назад. Это работа постепенно стала смыслом всей его жизни. Еще давно, когда зрение его было зорко, а рука точна свя-

той отец нарисовал витиеватые заглавные буквы, украшающие начало каждой страницы. В их необыкновенных узорах можно было без труда угадать и зверей и птиц и фигуры людей. Сейчас же старик дрожащей рукой едва мог выводить ровные буквы. Однако он никогда и никому не признавался что едва различает шрифт на желтоватой бумаге. Он первый заметил любознательность и смекалку у пятилетней малышки и стал с нескрываемым удовольствием обучать Адель письму. Он и нарадоваться не мог, когда девчушка буквально на лету схватывала его сложные уроки. Ему было и невдомек, что Аделаида с матерью ежедневно учила буквы.

Маленький уютный мирок девочки разбился однажды вечером, когда городской стражник не утруждая себя выбором выражений объяснил Адель что ее мама мертва. Еще утром моряки нашли труп проститутки в доках. Видимо кто-то позарился на ее скудный заработок так как при ней не нашли даже самой мелкой монеты. И вот так в возрасте шести лет малышка осталась не только одна, но и на улице. Родственников у матери в округе не было, а об отце своем Адель ничего не знала, да вобщем тои не хотела знать. Из лачуги, даже не дождавшись похорон ее выгнала хозяйка, забрав все вещи и утварь в оплату какого-то долга. Взяв лишь тряпичную куклу и маленький голубой шелковый платочек с вышитой буквой «А», последний подарок матери, девочка побрела к тому, кого хорошо знала. Отец Бенедикт с радостью принял у себя малышку, тем более что она уже подросла и могла немного помогать по хозяйству. Так они и проводили долгие зимние вечера: святой отец всю светлую часть суток сидел за книгой, аккуратно вырисовывая непослушной рукой буквы, а Адель сделав свою нехитрую работу присаживалась рядом и с открытым от изумления ртом наблюдала как на бумаге появляются ровные красивые буквы. Прошли месяцы, сначала старый священник разрешил девочки разводить краску и выводить простые несложные буквы, а потом, неоднократно убедившись что ее буквы значительно ровнее и четче его собственных, позволил ей помогать. Недолго. Лишь две-три строчки в день. Но с какой же гордостью Адель выполняла эту сложную работу. В начале лета из столицы стали приходить новости о смуте и мятежах. Конечно все эти разговоры ходили давно, знатные лорды даже снег зимой не могли между собой поделить. Но уж если соединяли свои силы – добра не жди. Все это не слишком интересовало маленькую девочку, но по тревожным голосам взрослых она понимала что происходит что-то неприятное, а возможно даже опасное. Впрочем люди в поселке жили своей жизнью, своими маленькими бедами и радостями. Им не было особого дела ни до короля, ни до всей остальной жадной своры. Пока война была далеко, о ней можно было забыть, тем более приближалось время праздника. Каждый год в начале июля в городе праздновали день Тунца. Адель как и вся детвора поселка уде несколько недель прибывала в приподнятом настроении и ожидании какого-то чуда. И ни смотря на то что отец Бенедикт отказался отвести ее на праздник в город, сославшись на занятость, а одну не отпустил, и маленькая сирота получила свою порцию угощения и веселья. И пусть праздник в самом поселке отмечался не с таким размахом как в городе, однако и здесь семьи рыбаков устраивали и танцы и веселые игры и угощения и даже сладости для всех, без исключения ребят. Долгое время Аделаида вспоминала потом этот веселый, беззаботный праздник. Но скоро горожанам стало не до веселья. Осенью пришли вести о резне в Сен де Мине. Войска мятежников захватили город и укрепленный замок барона Сен де Мине, в котором вместе с семьей находился король. Повсюду шептались о страшных расправах, учиненных мятежниками над сторонниками короля. С особым зверством обезумевшие от крови солдафоны ворвавшись в замок убили не только самого Хельдерика, но всю его семью. Жену, кроткую королеву Ротруду, четверых малолетних детей и даже старую королеву мать. Старший сын короля и его наследник принц Дрион еще пару месяцев назад сложил свою черноволосую голову на поле брани. Люди на улицах и в дома сбивались в небольшие кучки и обсуждали эту страшную новость. Перевороты и смуты частенько заканчивались гибелью монарха или его наследника, но что бы с такой жестокостью были убиты и жена и мать и маленькие дети короля, включая младенца, такого на памяти отца Бенедикта не было. Чудом уцелел лишь несовер-

шеннолетний принц Гунальд и его маленькая, по слухам убогая сестра. Почти каждую неделю приходили вести о больших и малых сражениях, в которых фортуна улыбалась то сторонникам принца, то его соперникам. И лишь когда на большой площади епископ Брандерский стал призывать народ поддержать девятнадцатилетнего принца, а сеньор де Уртубье увел полсотни молодых сильных мужчин на войну, жители поняли что события начавшиеся в столице пару лет назад докатились теперь и до их небольшого портового городка. Всю неделю поговаривали о крупном сражении около Гроута и жители города, особенно родственники ушедших, с нетерпением ждали новостей. В это беспокойное время в город приехал отец Северентий с посланием к епископу Брандерскому. Пожилой священник несмотря на приглашение его святейшества остановился в небольшом, но гостеприимном доме отца Бенедикта, впрочем этого и следовало ожидать так как два этих ученых мужа уже много десятилетий были не только знакомы, но и дружны. Там же святой отец впервые увидел симпатичную черноволосую девочку. Узнав о том что этот шестилетний ребенок выводит сложные буквы латинского алфавита и при этом еще и умеет писать, читать и знает основы счета, пожилой священник был крайне удивлен и предложил своему другу отвезти малышку в женский монастырь святой мученицы Магдалины, где у него жила послушницей его родная сестра. Все обдумав отец Бенедикт все-таки решился расстаться с полюбившейся ему Адель и попросил друга заняться устройством своей маленькой воспитанницы. И вот поздно осенью собрав в дорогу свой нехитрый скрап, святой отец с малышкой тронулся в обратный путь. Их сопровождали несколько солдат, так как в это смутное время дороги были беспокойными. А от лихих людей острая пика защищала куда лучше сутаны священника. Сначала испуганная и оробевшая Адель сидела тихонько, стараясь не высовывать нос из своего теплого уютного кокона, свернутого из одеял. Но постепенно страх проходил и уже через несколько дней девочка с любопытством стала осматривать окрестности и буквально засыпала святого отца и сопровождавших их солдат сотней всевозможных вопросов. Отцу Северентию пришлось по душе пытливый ум маленького ребенка и он всю дорогу без устали отвечал на вопросы своей маленькой неутомимой спутницы.

Аделаида примостившись на краюшке скамьи сидела тихонечко, почти не дыша. От волнения она стала грызть ногти, даже не замечая, что покусанный до мяса палец вот-вот начнет кровоточить. Обычно мать Августа строго следила за поведением своих воспитанниц и жестко пресекала попытки маленькой Адель запустить руки в рот, но в затемненной приемной самой настоятельницы и сама она чувствовала себя неловко и не замечала ни самой малышки, ни ее несносного поведения. Она не могла понять зачем матери настоятельницы понадобилось посмотреть на эту маленькую выскочку, которая доставляла всем столько хлопот. Прошел год с тех пор как отец Северентий привез в монастырь этого ребенка и уже год старая монахиня старалась выбить из нее непокорность, своеволие и заносчивость. Но славу богу ее усилия не прошли даром, девочка, привыкнув к строгой дисциплине стала вести себя достойно и сдержанно.

– Неужели эта мерзавка успела что-то натворить? – с ужасом спрашивала себя пожилая монахиня.

Ее и саму-то к настоятельнице вызывали редко, но что бы с ребенком. Такого на ее памяти не было. Прошло еще томительных полчаса и наконец заветная дверь распахнулась и их пригласили в просторные апартаменты матери настоятельницы. Адель открыв от изумления рот робко озиралась вокруг. Еще никогда в жизни она не видела такой роскоши и великолепия. Небольшая полукруглая комната с большим, во всю стену окном была озарена солнечным светом. Напротив окна располагался красивый с резными ножками стол. По правой стене стояли несколько высоких кованых сундуков, один из которых был приоткрыт, по левой – узкая деревянная скамья, на которую так и не решились присесть ни мать Августа, ни Адель. Мать настоятельница, высокая, худая, прямая как палка женщина в быту была графиней Сен де Монье. Она и до сих сохранила многие повадки присущие знатной даме. У нее был свой стол

и ее спальня с гостиной напоминала скорее будуар, чем монашескую келью. Аделаида с таким изумлением озиралась вокруг что, сказать по чести, пропустила почти весь разговор, состоявшийся между настоятельницей и матерью Августой. Девочка даже подпрыгнула от неожиданности, когда важная сеньора обратилась к ней.

– Я слышала, дитя мое, ты умеешь писать и читать?

– Да, мадам. И еще я знаю латынь, – осмелев произнесла Адель, но заметив как нахмурилась мать Августа, прикусила язык.

– Это хорошо, – сухо произнесла настоятельница. И отвернувшись от них добавила она: – Можете идти.

Лишь по дороге Аделаида узнала, что теперь она будет прислуживать одной очень важной даме, которая живет в монастыре. Конечно об уединенном доме, построенном в лесочке, специально для «кое-кого» ходили слухи и легенды. Кто-то из послушниц говорил что это королева Ротруда де Треве, чудом спасшаяся вдова короля Хельдерика, хотя Адель как девочка взрослая была уверена что это было полной чушью, так как королева мученица была убита на глазах сотен людей в Сен де Мине почти год назад. Кто-то из девочек воспитанниц утверждал что это дочь графа, сестра барона, кузина герцога такого-то и такого-то, но ктоичьяне мог сказать никто. Впрочем все сходились на мысли что это какая-то очень, очень важная птица, которая по какой-то очень, очень важной причине должна была скрываться за стенами этого монастыря. И вот теперь Адель не могла поверить своему счастью, ведь ей удастся не только посмотреть на эту прекрасную даму, но и служить у нее.

Аделаиду провели в просторную комнату с толстым ковром. Эта комната была буквально завалина всевозможными вещами и мебелью. Здесь были и сундуки: большой, средний, несколько маленьких, и высокое накрытое какой-то шкурой кресло и маленький стол, на котором валялись и остатки еды и посуда и листы бесценной бумаги, вперемешку с расческами и веером. И многое другое. Очень впечатлила Адель большая кровать с толстой периной и множеством подушек и огромное толстенное одеяло. Девочка так засмотрелась на все это великолепие что пропустила приход самой хозяйке всего этого богатства. В своем воображении Адель давно нарисовала образ знатной пленительной красавицы, с распущенными волосами и грустными глазами. Каково же было ее удивление когда она увидела перед собой маленькую девочку, свою ровесницу. Совсем не красавицу, в простом, добротном домотканом платье. Принцесса была невысокого роста, полновата, с каким-то непонятым землистым цветом лица. Губы были тонкие бесцветные, недовольно поджатые. Они казались еще тоньше на фоне крупного массивного подбородка. Вот глаза были красивые голубые, с блинными черными изогнутыми ресницами. Несколько минут девочки молча разглядывали друг друга, а потом Адель опомнившись, низко поклонилась госпоже.

– Принцесса?

– Кто ты?

– Адель. Я буду служить у вас.

– Хорошо. Только не называй меня так.

– А как?

– Миледи или леди Брена. Никто не должен знать что я принцесса, поняла? – с надменным видом спросила девочка.

– Конечно, миледи, – еще раз поклонилась Адель.

– Нет, постой, когда мы будет вместе называй меня ваше высочество, но на людях миледи, поняла?

– Ну... я... хорошо, как скажете.

– Как прикажете, – поправила Аделаиду принцесса.

Так началась интересная, но не легкая служба Адель у... принцессы Беренгарии, дочери покойного короля Хельдерика и сестры беглого принца Гунальда Васконского. Впрочем сама служба была не очень тяжелой: принести, подать, помочь помыться, причесаться. А так же постараться развлечь этого скучающего высокомерного ребенка: чтонибудь рассказать или что-то послушать. Вся грязную тяжелую работу, например стирка, уборка, готовка – выполняли сестры. Адель быстро свыклась со своей новой жизнью и несмотря на то, что характер у ее высочества был мягко говоря не сахарный, стала находить в своем бытии маленькие и большие радости. Жила она теперь в маленькой темной, без окна комнатке, рядом с комнатами принцессы. И пусть кроме кровати и крохотного сундучка, который служил так же и стулом и столом там больше ничего не помещалось, зато эта комнатка полностью принадлежала девочке, давая прекрасную возможность уединиться. Весь последний год, живя в обществе еще двенадцать разновозрастных девчонок и находясь круглые сутки под неусыпным присмотром матери Августы, Адель о такой роскоши и мечтать не могла. Она с удовольствием выполняла свои нехитрые обязанности, особенно ей нравилось причесывать длинные волосы своей госпожи. Без сомнения волосы были главным украшением этого не очень симпатичного ребенка, черные блестящие, они крупными волнами лежали на небольшой детской голове, спускаясь до самой талии. На концах же завивались красивыми локонами. Увидев впервые эти роскошные длинные волосы, перехваченные какой-то грязной веревкой Адель изумилась, настолько они были похожи на ее собственные иссини черные пряди. Но дотронувшись рукой до собственных волос девочка едва не расплакалась. Год назад по приезде в монастырь ее роскошную гриву, предмет гордости ее матери, отрезали по самый загривок. И сейчас чуть отросшие волосы крупными завитками обрамляли ее худенькое лицо. Зато теперь леди Брена вместо скучной косы ходила с красивыми затейливыми прическами, над которыми часами могла с удовольствием возиться Адель. Это увлечение немного сблизило служанку и госпожу. Поглядывая на себя в высокое серебряное отполированное зеркало Брена впервые почувствовала себя почти красавицей. Уже через месяц Аделаида узнала что этот высокородный ребенок родившийся как говорить на подмостках трона, с рождения болел какой-то страшной неизлечимой болезнью, в простонародье называемой «падучая» и сопровождавшийся не только крупными судорогами, но и частыми приступами, во время которых девочка без памяти падала на пол, начинала сильно биться, мычать, краснеть, а иногда и задыхаться. Впервые столкнувшись с подобным приступом Адель насмерть перепугалась, но быстро сообразив что помощи ждать не от кого, сразу вспомнила все, чему учила ее мать Гулия, которая уже полвека лечила травами не только всех монахинь, но и жителей ближайшего города и деревень. Она быстро перевернула принцессу на бок всунув в рот госпожи маленькую серебряную ложечку. Поняв что все сделала правильно, Адель прямо таки загордилась собой. Ведь, как знать, возможно сейчас она спасла жизнь самой настоящей принцессе. Однако, когда Брена пришла в себя, она вместо благодарности наградила служанку сильной затрещиной и тумачом выгнала из комнаты. Убежав в свою комнатку Адель еще долго глотала слезы от этой незаслуженной и такой обидной трепки. Однако выйдя из комнаты она увидела как рыдает Брена, роняя в подушку слезы боли и отчаяния. Адель поняла насколько тяжело живет этой высокородной принцессе, вынужденной скрываться от людей из-за своего страшного недуга, который многие называли бесовским. С тех пор она стойко переносила вспышки гнева своей госпожи, стараясь не придавать им большого внимания. Ведь по сути Брена злилась не на нее, Адель, а на свою болезнь так мешающую нормально жить. Сама Аделаида в свободное от службы время была почти свободной. Место служанки при знатной госпоже открывало многие двери. Особенно поразила Адель большая в сотню книг монастырская библиотека, в которой любознательному, не по годам сообразительному ребенку, разрешили брать несколько книг. Почти ежедневно девочка с удовольствием изучала травы вместе с матерью Гулией и греческий с матерью Ефросинией, так как большинство летописей было написано именно на нем. А еще у Адель была маленькая

тайна почти раз в неделю она незаметно пробиралась в конюшню и часами смотрела как высокая и сильная мать Грета ухаживает за тремя монастырскими лошадьми. Как же любила Адель этих красивых сильных животных.

Глава 2

Так прошел год и еще и еще. Жизнь текла медленно однообразно, пока вдруг однажды в монастырь не пришла весть о том, что принц Гунальд, с божьей помощью, одержал великолепную победу при Гуанре, что позволила ему наконец-то не только восстановить в раздираемой смутой стране королевскую власть, но и в ближайшие дни возложить на свою голову величественную корону своего отца. Новость эта в монастыре была воспринята с энтузиазмом. Все знали что настоятельница была яркой сторонницей молодого короля и с нетерпением ждали, что же именно получит она и весь монастырь за подобную верность. В комнате принцессы тоже была суэта. Брена без умолку обсуждала с Адель подробности своего триумфального прибытия в столицу. Две девочки даже пофантазировали по поводу платьев которые будут на принцессе во время коронации ее брата. Но увы ни через неделю ни через месяц Брена так и не дождалась долгожданного приглашения ко двору. Поняв что про нее забыли или просто постарались забыть принцесса впала в бешенство, щедро раздавая свою злость окружающим ее людям, а когда заряд агрессии пошел на убыль Брена впала в уныние, которое для Адель было еще хуже беспричинных вспышек ее гнева. Целый день принцесса сидела на низкой табуретке около окна, не позволяя служанке ни переодеть ее, ни помыть, ни причесать. Аделаида, у которой жизненная энергия всегда была ручьем никак не могла понять такого. Она из всех сил старалась вывести госпожу из депрессии, читала, рассказывала смешные истории, но Брена молча сидела у окна, никак не реагируя ни на едкую остроту, ни на смешную веселую шутку.

– Он решил от меня избавиться, – повторяла она.

– Нет, же нет! – яростно уверяла ее Адель. – Просто сейчас король только взошел на трон. Как только он справится со своими проблемами он обязательно пошлет за вами.

Но проходил месяц за месяцем и уже сама Адель все больше убеждалась, что Гунальд не хочет видеть сестру или просто забыл о ней. И в этом не было ничего удивительного так как в последний раз король видел сестру почти шесть лет назад, когда она была маленьким четырехлетним ребенком и то видел мельком.

– А может вам написать брату письмо? – как то вечером предложила Адель госпоже.

– Мне? Да я же кроме подписи ничего и начиркать то не могу! – с грустью напомнила Брена.

– Вы только скажите о чем, а письмо напишу я, – быстро нашлась Адель.

Они давно уже знали что настоятельница раз в месяц посылает в столицу письма, которые мастер Гуго отвозит в дом кардинала. Жан Гуго, золотых дел мастер, под охраной трех-четырех солдат, несколько раз в месяц ездил в Памплону, отвозя драгоценности и инкрустированное камнями оружие столичной знати.

– Мы вместе напишем письмо, а я отнесу его в город. Я думаю, мастер Гуго не откажется передать его кардиналу за несколько мелких монет?

– Ты думаешь этот кардинал отдаст письмо брату?

– А давай напишем еще одно письмо самому кардиналу и попросим его и в дальнейшем передавать ваши письма королю.

– Мы сделаем проще, мы прикажем! Сестра я королю или не сестра? – с воодушевлением воскликнула Брена.

От ее уныния не осталось и следа. Всю ночь две одиннадцатилетние девочки взахлеб обсуждали текст письма. Утром едва рассвело Брена заставила Адель начать писать. Но уже после третьей строчки Аделаида поняла что вместо нежного радостного письма новоиспеченному брату выходит злое требовательное послание обиженной маленькой девочки к королю. После такого Гунальд вряд ли захочет увидеться с сестрой. Сказав, что сделала ошибку, Адель

взяла новый лист дорогой белой бумаги и не слушая больше нудных отповедей Брены начала писать заново. И писать она стала не о том, о чем хотела бы написать принцесса, а о том что хотел бы прочитать король. О монастыре и его укладе, о веселой смешной маленькой матери Гулии, и грубоватой великанши матери Грете, о хорошем весеннем настроении, о теплой погоде, ярком солнышке и радужных девичьих мечтах. Перечитав текст Адель еще раз убедилась, что письмо получилось веселым добрым и задорным.

– Как мне его подписать? Вашим именем? – спросила она у Брены.

– Нет, так не пойдет. Вдруг оно попадет в чужие руки или не приведи бог, в руки настоятельницы. Она по головке не погладит.

– Значит надо придумать какой-то символ по которому его будет узнавать только король.

– Какой?

– Ну, не знаю какое-нибудь животное. Лошадь например.

– Кобылу!? Ну, нет. Лучше уж птицу. Я лебедей люблю. Раньше они возле дворца Сен-Тули на озере жили.

– Лебедь, так лебедь, – согласилась Адель.

И она стала аккуратно выводить на бумаге эту гордую величавую птицу. Правда шея получилась тонковата и Адель обвила ее снова. И хвостик пришлось чуть-чуть зарисовать.

– Что-то как-то неряшливо получилось, – с сомнением обронила Брена.

Адель и самой не очень понравилось, но переписывать письмо еще раз изза птицы ей не хотелось. Тогда она взяла перо и несколькими штрихами зарисовала птицу.

– Красиво. Черный лебедь, – воскликнула Брена.

– Да, миледи, прям как вы, – улыбнулась Адель, намекая на черные волосы принцессы.

Брене очень понравилось сравнение. Было решено как можно быстрее отнести письмо в город. Сначала Адель решила пробраться туда тайно, но перелезть через трехметровый каменный забор, окружавший монастырские постройки, оказалось непросто.

– Пожалуй я просто попрошу настоятельницу, что бы она отпустила тебя в город. Ты же не монахиня. Тебе можно. Скажем что мне нужны ленты или нитки, – быстро сообразила Брена.

К просьбе сестры короля настоятельница отнеслась весьма благосклонно и разрешила Аделаиде раз в неделю выходить за ворота монастыря, а так же выделила леди Брене небольшую сумму на мелкие карманные расходы. И уже на следующий день Аделаида в чистом шерстяном платье и белоснежном чепце впервые пошла в город. Отойдя от каменного забора она, вместе с монахиней пошли по узкой извилистой дороге, вдоль опушке титового леса. Очень скоро они пересекли речушку обильно заросшую кустарником. По ту сторону реки начинались обширные поля, засеянные зерновыми и виноградники принадлежащие многочисленной обширной семье Тюдо. Ферма мистера Тюдо и еще нескольких десятков ферм составляли пригород старинного города Эса. Впрочем еще пару десятков лет назад это была лишь деревня в две улицы и только соседство с крупным женским монастырем вывело ее жителей в ранг горожан.

Идя по улице за руку с монахиней Адель разинув рот рассматривала маленькие одноэтажные домики, стараясь не наступить на пестрых куриц, копошившихся на дороге. Город был небольшой, в несколько десятков домов и состоял теперь из трех изогнутых улиц. Мать Юлиана подробно рассказала девочке местонахождение самых важных домов и лавок и уже через пару часов Адель легко ориентировалась в городе, благо потеряться здесь было практически невозможно. Через неделю Адель уже сама торопливо побежала по знакомой дороге. В поясе у нее было спрятано несколько мелких монет, которые она робко обменяла на несколько свежиспеченных булочек посыпанных маком. Это была ее самая первая в жизни покупка. Почти несколько часов девочка бродила по одним и тем же улочкам города вдыхая сладкий запах сво-

боды. Лишь через месяц, окончательно осмелев она решилась подойти в ювелирную мастерскую мастера Гюго и заикаясь попросила этого тучного невысокого мужчину передать кардиналу письмо. Сначала ювелир с недоумением разглядывал маленькую плохо одетую фигурку. Он никак не мог понять, какие дела могут быть у знатного важного служителя церкви с этой бедной послушницей, но увидев в ее руках золотую монету, проворно взял письмо. Так потянулись долгие дни ожиданий. Раз в неделю Адель ходила в город и покупала для леди Брены, то засахаренные пряники, то яркую красную ленту, то пару теплых перчаток. За это время мистер Гюго уже дважды приезжал из столицы, но он ни разу не привозил для Брены ответ.

С утра шел мелкий морозящий дождик. Меньше всего в этот холодный осенний день Аделаиде хотелось выходить на улицу. Она даже хотела попросить леди Брену разрешения остаться. Но представив, что целый день придется выслушивать ее истории о детстве проведенном во дворце, все-таки решила, потеплей одеться и выйти на улицу. Прошлепав по раскисшей дороге до города Адель первым делом зашла в пекарню. В такую погоду сам бог велел побаловать себя чем-нибудь горяченьким и сладеньким. Не спеша с наслаждением, обжигая холодные пальцы повидлом Аделаида слопала два небольших пирожка, только что вытасканных из огромной печки матушкой Марией. Эта старая добрая маленькая старушка, вместе с сыном и его женой пекла не только хлеб, но и самую аппетитную на свете выпечку. Каждую неделю Аделаида покупала у нее какую-нибудь вкуснятину. Часть она съедала сразу, порадовав хозяйку отменным аппетитом, а часть относила Брене, предварительно завернув в чистый ситцевый платок. Спрятав ароматную покупку в полы короткого выцветшего плаща Адель не спеша направилась в мастерские. В ее последний приход мистер Гюго встретил ее неслишком вежливо.

– Ходят тут всякие, мешаются, – пробурчал он, выпроводив девчонку за дверь.

Однако сейчас увидев маленькую фигурку в коротком плаще ювелир даже поклонился. С заискивающей подобострастной улыбкой он подал Адель толстый конверт. Неизвестно, что сказал ему кардинал, но этот важный ювелирных дел мастер сам ринулся проводить свою маленькую гостью аж до самого угла улицы. Впрочем, Аделаиде было не до него. Всю дорогу до монастыря она бежала бегом и лишь перед воротами несколько минут простояла спокойно, переводя дух. В комнате принцессы Адель трясущимися руками развернула долгожданное письмо и медленно, не спеша стала читать послание самого короля Гунальда. Он писал, что был очень рад получить письмо от сестры, единственной оставшейся у него родственницы. О том, что он никогда о ней не забывал и ждал удобного случая с ней связаться. Гунальд в красивых витиеватых выражениях извинялся за свое долгое молчание, объясняя его непомерной занятостью правящего монарха. В конце король просил сестру еще немного потерпеть и хотя бы до совершеннолетия пожить под благодатной крышей монастыря, поскольку только тайна ее настоящего местоположения спасает Брену от козней безжалостных врагов их родителей. И что бы не прощаться с сестрой на такой нерадостной ноте, король закончил его несколькими смешными историями приключившимися при дворе, и даже вспомнил случаи произошедшие с ними в детстве. Почти всю ночь Брена просидела в задумчивости на кровати прижимая к груди заветный конверт. Она всегда воспринимала фигуру брата как что-то потустороннее, почти божественное и сейчас медленно свыкалась с мыслью что он обычный живой человек. Ее брат – король. Король – ее брат. В той же позе и нашла ее с утра Адель. Принцесса спала сидя, уронив голову на грудь, не выпуская из рук помятый клочок бумаги.

– Что теперь будет? – подумала про себя Аделаида, чувствуя что вслед за письмом придут перемены.

И долго ждать их не пришлось. Видимо король вспомнив о сестре, решил обратить свое внимание не только на саму Брену, но и на весь монастырь. Уже через неделю к воротам подъехал небольшой обоз, состоящий из нескольких телег в сопровождении солдат короля. Одна из телег была до верху нагружена припасами: мешки с мукой, фасолью, крупой лежали впер-

мешку с бочками заполненными соленой рыбой, вяленным мясом. В двух маленьких мешочках лежали сухие фрукты и орехи, редкие лакомства для начала зимы. В другой телеги помимо всего остального были аккуратно упакованы почти десяток рулонов материи. Здесь была и теплая шерсть и легкий лен, а так же несколько десятков меховых и кожаные шкур, великолепной отделки. Не успела Адель выложить все эти новости Брене, как в комнату без стука вошла сама настоятельница. Это было ее первое посещение их уединенного домика. Сначала девочки испугались что их переписка открыта, но оказалось что это визит вежливости. Король как и обещал, хранил их совместную тайну. Мать Атавия рассказала принцессе о благодарном письме короля и о щедрых подарках, привезенных с ним. А так же сообщила, что поскольку Брена является единственной родственницей бездетного короля, то она когда-нибудь, не привели конечно господь, может занять трон ее родителей. Поэтому с завтрашнего дня начнется ее разностороннее обучение, которым займутся не только самые образованные монахи монастыря, но и сама мать Атавия. Напоследок настоятельница передала принцессе увесистый сундучок. Здесь были и теплые кожаные перчатки, подбитые мехом и красивый шелковый платок, вышитый золотой ниткой, и несколько роговых гребней для прически и золотой ободок для головы и многое, многое другое. Чуть позже в комнату вошла одна из послушниц, по самую голову заваленная одеждой. Почти час обе девочки млея от удовольствия разбирали щедрые дары короля: платья, туники, плащи, ботинки, чепчики и шарфы. Брена трещала без умолку, перебирая драгоценные ткани и расчески, но вдруг притихла и сев на заваленную платьями кровать горько разрыдалась.

– Ваше высочество? Что случилось? Вам что-то не понравилось? – попыталась дознаться Адель.

– Понравилось, – успокоившись ответила Брена. – Но только зачем мне это все? Я по-прежнему не могу выйти даже за территорию сада. Сложи все в сундук. Жалко будет носить все это дома, да и неудобно.

Хорошо поняв настроение госпожи Адель стала аккуратно сворачивать разноцветные платья. Взяв в руки шерстяную тунику темно зеленого цвета, девочка медленно приложила ее к лицу, вдыхая незнакомый и такой притягательный запах новой одежды. Из всего что внесла послушница ей больше всего понравился этот простой элегантный наряд, так подходящий по цвету к ее глазам.

– Возьми себе, – вдруг как-то мимоходом обронила Брена.

– Прости? – изумилась Адель. От волнения она даже перешла на «ты».

– Возьми эту тунику себе и светлое платье, которое одевают под низ. Они очень тебе пойдут.

– Я не могу.

– Можешь. Я так хочу. Мне сколько все равно не надо. А ты будешь в город ходить. И те ботинки возьми, старые. Я из них выросла, а тебе подойдут. Ты тощая.

– Спасибо! – одними губами выдохнула Аделаида.

Она чувствовала как на глаза наворачиваются слезы. Девочка так и стояла с туникой в руках, не зная что ей дальше делать.

– Беги, одень, – подсказала Брена, – и теплый плащ возьми, а то ходишь как оборвыш! – с какой-то злостью вдруг добавила она.

Впрочем, Адель не было дела до перепадов ее настроения. Выхватив из общей кучи свои подарки девочка бегом понеслась в свою комнатку, молясь лишь о том, что бы госпожа не передумала и не отняла все это богатство назад.

С этого дня их жизнь изменилась. Ежедневно с принцессой Бреной занимались несколько монахинь, посвящая сестру короля в тонкости христианской философии, истории, географии, счета и многого, многого другого. А сама настоятельница дважды в неделю, с заискивающей

улыбкой рассказывала подопечной о политическом устройстве страны басков и ее ближайших соседях. Не зря монастырь святой Магдалины всегда считался центром образованности и культуры. Адель, с нескрываемым удовольствием слушала эти уроки, забившись в дальний угол заваленной вещами комнаты и как губка впитывала в себя все новые и новые знания. Сама принцесса относилась к урокам с крайнем пренебрежением и нескрываемой ленью. Малейшие сложности в обучении вызывали у нее злость и агрессию. В свои 11 лет леди Брена так и не научилась ни писать, ни читать, а умела лишь коряво выводить на бумаге свое собственное имя. Ни памятью, ни усидчивостью, ни терпением бог ее не наградил. Единственное, что могла часами пересказывать принцесса, так это свои годы проведенные во дворце. После сто сорок пятого рассказа о своем бытии в Сен-Тули, Адель уже наизусть могла пересказать любую из начатых ею историй. А еще в какой-то момент Брена страстно полюбила чтение, вернее что бы ей читала Адель. Для самой Аделаиды это было хорошим поводом лишний раз побывать в большой библиотеке и что-нибудь выбрать. Ну и конечно главное, чем жили две подрастающие девочки, это тайная переписка с королем. Раз в два месяца они посылали письмо через мастера Гюго и уже через пару недель, закрывшись в комнате, они читали долгожданный ответ из столицы. Несмотря на занятость еще ни разу король не оставил послание сестры без ответа. Если письма Брены, вернее Адель, так как именно она их полностью придумывала, были веселые и задорные, то ответы Гунальда удивляли разнообразием. То они были полны нравоучений и скрытых, не всегда понятных философских мыслей, то пестрели веселыми шутками и занимательными историями случившимися при дворе. А иногда король погружался в воспоминания детства рассказывая сестре о старшем брате, сестрах, родителях. Брена больше всего любила именно такие письма, так как сама могла вспомнить о них очень мало. Все свое раннее детство принцесса повела в одном из замков отца – Сен-Тули, находившимся недалеко от столицы, в нежных руках няни, леди Марики, графини Торедо. Именно эта мягкая заботливая женщина заменила больному ребенку семью. Родители навещали в усадьбу не часто, лишь три четыре раза в год, однако остальные принцы и принцессы в хорошую погоду жили в Сен Тули месяцами. Вот в столицу Брену не вывозили ни разу. Не очень-то хотел король-отец показывать поданным больного убогого ребенка. Адель же не очень любила минорного настроения короля, она предпочитала побольше узнать о дворе, по несколько раз перечитывая смешные истории, происходящие с кем-нибудь из придворных, особенно если это касалась молодого герцога Альба. Лорд Амандо Альба был кузеном короля и соответственно Брены. По рассказам принцессы он был высоким, красивым, светловолосым и голубоглазым. Герцог с детства обладал веселым неугомонным нравом. Приезжая вместе с детьми короля в Сен-Тули, он был одним из немногих ребят, которые ни только не обезжали больного ребенка, но и старались развлечь и поддержать маленькую Брену. Гунальд частенько с добрым юмором описывал бесшабашные приключения своего кузена. Эти строчки Адель прочитывала десятки и десятки раз. В тайне она уже почти год была влюблена в этого красивого знатного шалопаю. Однажды она решила и в письме к королю поздравила с днем рождения его кузена. В следующий раз, с почтой пришло не одно, а целых два письма, запечатанные в один конверт. Одно из них было как обычно от Гунальда, другое же от Амандо. Оказалось герцог давно знал о переписке брата и сестры и сам предлагал кузине обмениваться письмами. О таком Адель и мечтать не могла. Теперь она сможет напрямую общаться с любимым человеком. И пусть Амандо будет считать что письма пишет Брена и сам блестящий герцог вряд ли когда-нибудь познакомится с бедной сироткой, зато в своих мечтах Адель уносила в такие дали...

Глава 3

– Ах, как интересно они жили. Путешествовали... их женщины были свободны, – мечтательно пробормотала Брена. Адель у которой от тусклого света свечи начали слезиться глаза, лишь молча вытерла слезы рукавом платья.

В начале недели она нашла в библиотеке запылившийся рулон с несколькими десятками римских манускриптов. За последние годы под руководством матери Ефросиньи Адель хорошо выучила греческий, на котором был написан манускрипт и быстро прочитала начало. На толстом пергаменте оказался большой отрывок из летописи описывающей жизнь и военные подвиги Гнея Помпея Магна, одного из римских полководцев, подавивших восстания Спартака. И вот уже всю неделю по несколько часов в день Адель читала госпоже удивительные приключения этого человека. По всей видимости летописец написавший этот труд был из окружения самого полководца, так как его рассказы изобиловали большим количеством бытовых подробностей. Вот и сегодня увлекшись чтением Брена никак не хотела отпускать служанку спать. И лишь когда Адель изза тусклого света свечи стала путать слова принцесса вспомнила о времени.

– А помнишь, как Гней побратался со своим другом, бывшим беглым рабом Теодортино? – вдруг спросила Брена. Адель которая уже буквально засыпала на ходу, только устало кивнула головой.

– Помнишь, когда они соединили свою кровь то стала как братья. Стали побратимы, – никак не унималась Брена.

– Помню, – тихо ответила Адель. Она уже поняла, что госпожа спать не собирается, ну и вряд ли даст отдохнуть ей.

– Знаешь, а ведь нас тоже связывает страшная тайна. Давай тоже побратаемся, вернее посестримся... ну ты поняла. Если у тебя будет частичка моей крови, а у меня твоей, то мы будем кровными сестрами.

– Вы в самом деле этого хотите? – изумилась Адель. Конечно, за последние годы они сильно сблизились, но Брена всегда держала дистанцию, во всем показывая свое превосходство.

– Да, хочу! Ты моя подруга, а теперь будешь сестрой. Да и нет у меня никого кроме тебя.

– Но у вас есть брат!

– Есть, то он есть, только... только он там, а я здесь. Знаешь с каждым годом я все меньше надеюсь на то, что он когда-нибудь заберет меня отсюда. И мои приступы они... ненавижу их! – выкрикнула Брена и как-то сникла.

Аделаиде не нужно было это объяснять. Она и сама знала, что если раньше болезнь напоминала о себе пять-шесть раз в год, то с тех пор, как принцесса из девочки превратилась в девушку количество приступов увеличилось в разы. Мать Гулия говорила, что в период созревания девочки всяка зараза лезет: у кого прыщи вылезают, у кого волосы. Кто злой становится, кто плаксивый. А у некоторых девчонок блуд душу разъедает. Хотя лично за собой Адель никаким изменений не замечала, но то что Брене стало хуже, это было неоспоримо.

– Это такая честь для меня. Спасибо вам, ваше высочество! – робко проговорила Адель.

– Называй меня на ты. И по имени. Просто Брена. По крайней мере, когда мы одни, – попросила Беренгария.

– Хорошо ва... Брена. – согласилась Адель.

– Кто были твои родители? Все таки они будут немножко и моими, – спросила Бренна.

– Ну... отца я не знаю, а мать она... она в порту работала, – утаила правду Адель. Она давно уже поняла, что если ремесло матери в портовом городке считалось пусть не хорошим, но приемлемым, то в монастыре о нем и заикаться было нельзя.

– Рыбу что ли потрошила? – сморщила нос Брена. – Да, ладно. Какая разница, коли их нет.

Ее высочество, прыгнув с кровати, сбегала за небольшим острым кинжалом, который использовали в обед. Сначала принцесса, а потом и ее служанка сделали небольшие надрезы у себя на запястьях и когда появилась кровь, соединили вместе две своих руки. Несколько минут они так и стояли вместе тесно прижавшись друг к другу. Аделаиде казалось что по ее жилам медленно растекается огонь. И даже озябшие ноги как-то вдруг согрелись.

– Холодно, пойдём на кровать, – потянула ее за рукав Брена.

Они обе с ногами забрались на мягкую перину и принцесса милостиво позволила названной сестре укрыться своим одеялом. Всю ночь они проговорили о разных пустяках. Лишь к утру Адель оставила комнату госпожи. Не смотря на несносный характер Брены, она очень сильно была к ней привязана. Ее до глубины души тронул порыв высокомерной принцессы смешать их такую разную кровь.

– Вот теперь в тебе есть капля королевской крови, – сказала ей ночью Брена. И пусть это было лишь игрой двух маленьких девочек, но Адель отнеслась к ней очень серьезно.

Больше всего на свете она хотела не стать принцессой по крови, а получить сестру, подругу, вместо надменной госпожи. На следующее утро Адель проснулась чуть позже обычного. Несколько минут она лежала на своей узкой кровати вспоминая вчерашний день, а потом услышав набат опростынула с постели. Никому кроме леди Брены не позволялось пропускать утреннюю службу. Позднее Адель сама сбегала в кухню и положила на круглый поднос несколько горячих пирожков и масло, и даже выпросила у повара баночку с повидлом, так сильно ей хотелось порадовать Брену. К моменту ее прихода принцесса не спала, но и вставать никак не хотела. Заметив приход служанки, она лишь приоткрыла один глаз.

– Вставай, Бренна. Уже поздно. Скоро начнутся занятия, – с улыбкой произнесла Адель.

– Отстань.

– Вставай, лежебока. Такая хорошая погода, солнышко. Посмотри какие вкусные горячие пирожки я принесла из кухни.

– Я же сказала отвяжись, – как-то зло огрызнулась Бренна.

– Но, Брена. Скоро урок и ты не успеешь позавтракать. Сегодня на кухне я смогла добыть даже баночку с повидлом. Смотри, – не унималась Адель.

Она открыла крышку на баночке и поднесла к носу принцессы ароматное лакомство. Но зря. Брена вдруг резко подскочила с кровати, выбивая из рук Адель банку.

– Посмотри что ты наделала, мерзавка! – закричала Беренгария, стряхивая липкую массу с волос.

– Прости, сестра. Я все вытру, – с испугом воскликнула Адель.

– Сестра!? Да как ты смеешь, мерзкий ублюдок, называть меня сестрой! – вдруг накинулась с кулаками на служанку принцесса.

– Но ты же вчера... – начала оправдываться Адель, но лучше бы ей промолчать.

Услышав местоимение «ты» Бренна окончательно вышла из себя. Схватив тяжелый круглый медный поднос, она одним взмахом встряхнула с него завтрак и стала наносить им сильные удары служанке по голове. Оторопевшая от страха Адель успела лишь прикрыть руками лицо.

– «Бренна», «ты», «сестра»! – начала передразнивать служанку принцесса. – Я покажу тебе гаденыш, как себя вести! Ваше высочество, ваше высочество! Повторяй! – не унималась Бренна.

Она как ошалелая продолжала колотить подносом, отползшую к стене Адель. Спасло бедняжку лишь то, что на крики прибежала монашка. Выхватив из рук озверевшей принцессы поднос, она не церемонясь отшвырнула девчонку к кровати и помогла окровавленной Адель подняться с пола. Всю следующую неделю Аделаида провела в лазарете, под присмотром сер-

добольной матери Гулии. Славу богу, кроме пробитой головы, других серьезных травм не было, однако синяков и ссадин насчитали несколько десятков. Сильно пострадала рука, которой девочка закрывала лицо. Острый край подноса, подобно ножу, рассек предплечье до самой кости. Мать Гулии даже швы пришлось накладывать.

– Вот оглашенная, – бубнила она, – ладно лицо прикрыть успела, а то бы изуродовала дитятку. Что бы им всем, благородным провалиться! – шептала она, накладывая на израненную кожу своей любимицы толстый слой лечебной мази.

– Матушка, а куда меня теперь? – спросила Адель, сглатывая слезы.

Ей не очень-то хотелось возвращаться в общую спальню к остальным девочкам. После стольких лет относительной свободы ей тяжело будет привыкнуть к жесткой дисциплине, да и насмешек сверстниц, с которыми она никогда дружна не была, Адель было не избежать. Но возвращаться к принцессе было страшно. Хотя вряд ли Бренна после всего случившегося захочет ее видеть.

– Убегу, убегу! – шептала Адель, яростно растирая в ступке сушеную мяту. Она уже совсем поправилась и наравне с матерью Гулией готовила основу для приготовления настойки.

– Что ты бормочешь, дитятко? Куда бежать, зачем? – услышав ее шепот спросила мать Гулия.

– Ах, матушка, в общей спальне мне не жить. Я сегодня с утра в трапезной девчонок встретила, так они мне таких гадостей наговорили... – всхлипнула Адель.

Она не стала вдаваться в подробности, о том что старшая из девочек, Кети, прямым текстом ей объяснила, чем ей придется откупиться за спокойную жизнь среди них. Но очень уж не хотелось Аделаиде расставаться со своим любимым зеленым платьем. А ведь это наверняка было только начало.

– Так зачем же в общую спальню идти? Конечно у принцессы характер не сахарный, но как говорить стерпится, слюбится. Раз столько лет прослужила глупо убежать. А господа то они все такие. Но если совсем не хочешь к ней, так тебя неволить не будут, – спохватилась мать Гулия, – я настоятельницу упрошу со мной останешься. Спать-то в общей придется, но весь день в лазарете будешь.

– Спасибо матушка! – воскликнула Адель.

Она даже прослезилась от нахлынувших на нее чувств. Мать Гулия была самым хорошим человеком на свете. Аделаида знала что матушка всегда была с настоятельницей не в ладах и через что придется пройти доброй женщине дабы выпросить у гордой дворянки подобную милость.

– Я бы и у принцессы послужила, да только...

– Так и служи. Брене то, несколько девчонок предложили, так она все равно тебя хочет. Но если ты против...

– Хочет меня!? – изумилась Адель. У нее на душе как то сразу полегчало.

– Чеж, ей не хотеть. Столько годков вместе прожили. Поругались, померились, с кем не бывает. Все таки не такая уж леди Брена и испорченная, понимает что не права. Она о тебе каждый денек расспрашивала.

– Правда? – изумилась Адель. – Так почему вы мне не сказали?

– А зачем? Ты была на все свет обижена. Тебе надо было дать время остыть.

– А когда мне можно ну... к работе приступать?

– Тык с утра и начинай, – улыбнулась мать Гулия.

Ее порадовало нетерпение девочки. Уж лучше у принцессы на побегушках бегать, чем всю жизнь загнившие раны промывать. Адель думала так же и не откладывая дело в дальний ящик с утра побежала в маленький уединенный дом, спрятанный в роще. Войдя в комнату к принцессе девушка ахнула. Видимо, за последнюю неделю здесь никто не убирался. Грязная измятая одежда валялась и на полу и на кресле и под ним. Стол был завален и остат-

ками еды и грязными мисками, вперемешку с расческами и лентами. Сверху на этой груди лежали два ботинка. Как ни странно, но увидев бардак Адель улыбнулась. Ее грела мысль о том, что кроме нее здесь никто не был и Брена никого не подпускала к себе. Тихонечко, чтобы не разбудить спящую принцессу, Адель стала прибираться в комнате. Когда ее высочество соизволило проснуться все вокруг сияло чистотой. Брена, увидев вытирающую пыль Адель, несколько минут молча на нее смотрела.

– С добрым утром, – улыбнулась ей Аделаида. В отличии от гордой принцессы, ей не сложно было сделать первый шаг.

– С добрым, – улыбнулась в ответ Брена, – сделай мне прическу. Нет, сначала голову помоем, – вдруг сразу выпалила она.

– Сейчас?

– Да!

– Хорошо, – не моргнув глазом согласилась Адель.

Конечно, в душе она надеялась на извинения или хотя бы объяснения, но быстро поняла что не дождется ни первого ни второго. Так она и продолжала служить ее высочеству принцессе Беренгари. Отношения у них были достаточно ровные, но ни о какой теплоте и дружбе уже речи и не шло. Однажды вечером Брена позвала служанку к себе. На ее кровати были разложены драгоценности. Часть из них принцесса привезла с собой, некоторые ей подарил брат уже будучи королем.

– Выбери себе что хочешь, – предложила Брена.

– Я!? Я... не посмею, – заикаясь промямлила Адель. Взять платье и ботинки это одно, но драгоценности королевского дома...

– Возьми! Я так хочу! – начала злиться принцесса.

Понимая, что отказ она не примет Адель несколько минут разглядывала красивые дорогие украшения. Здесь были и нитки жемчуга и золотые браслеты и ожерелья с камнями и витые обручи для волос. Однако больше всех притягивал взгляд небольшой кулон на цепочке. Из кусочка золота искусный мастер сделал фигурку лошадки, с крошечным изумрудом вместо глаза. Конечно в коллекции принцессы были и более дорогие драгоценности, но пределом мечтаний для Адель был именно этот незатейливый кулон. Год назад он был в конверте вместе с поздравлением с днем рождения от герцога Амандо кузине.

– Этот? Я так и знала! Ты же влюблена в герцога! – поджав губы сказала Брена.

– Да, нет! Что вы! Просто он подходит под мое платье! – начала рьяно оправдываться Адель. Она уже жалела что поддалась на провокацию. – Я могу взять что-то другое.

– Да, ладно, бери это. Мне все равно он никогда не нравился. Я не люблю лошадей.

Глава 4

На следующий день утром Аделаида как всегда пошла в город. За последние годы это было ее настоящей отдушиной. Она познакомилась со многими горожанами и семьей фермера, мимо которого проходила в город. С тех пор как два года назад Брена отдала ей платье, плащ и ботинки, отношение к ней жителей города значительно изменилось. А после того как ей начали кланяться в ответ, Адель поняла, что ее просто ни за ту принимают. Город, как и монастырь был полон слухов о таинственной даме и похоже эти слухи надежно приклеились к маленькой фигуре хорошо образованной и нарядно одетой девочки. А возможно и ювелир подлил масла в огонь поведав кумушкам зачем дважды в месяц воспитанница монастыря ходит в его мастерскую. Адель впервые сделав это открытие удивилась, а потом обрадовалась. Впервые в жизни она была не нищей дочкой портовой шлюхи, а кем-то значительным. Теперь по улицам она шествовала медленно, высоко задрав маленький курносый нос, частенько заходила в лавки и магазинчики, с таким видом рассматривая безделушки, как будто не сегодня, но завтра обязательно придет их покупать. Матушка Мария предлагала девочке самые свежие и вкусные сладости и выпечку. И пусть они были самыми дорогими Адель никогда не скупилась ни на звонкую монету ни на похвалу. Благо Брена вдоволь снабжала ее карманными деньгами, присланными королем. Вот и сегодня Адель медленно шла по улице. День был теплым и девочка не отказала себе в удовольствии продемонстрировать все желающим дорогой золотой кулон на цепочке, блестящий поверх лифа верхнего платья. В городе было на удивление людно. Тут и там горожане сбивались группами и что-то яростно обсуждали. Войдя в дверь жарко натопленной пекарни Адель первым делом спросила матушку Марию в чем дело.

– Поговаривают в окрестностях банда Лютого объявилась. То поселок ограбит, то деревеньку спалит.

– Лютого? Кто это?

– Разбойник, будь он не ладен! – воскликнула хозяйка, но тут же сникла а помолчав поведала: – Правда раньше он из благородных был. Его отец, лорд Руно с десятков лет назад к мятежникам примкнул. Он один из тех баронов был, которые короля нашего вместе с дитятками погубили. Много, он изверг накуролесил. Король наш молодой, как к власти пришел, так всю их семью под корень вырубил. Один граф Сигизмунд остался. Вернее бывший граф. У него ведь ни семьи, ни имущества, ни титула, ни чего не осталось. Вот он и мстит теперь всем подряд.

– Вы так много о нем знаете? – удивилась Адель.

– Уж, кому знать то как не нам. Его родовое имение за лесом находилось, а город издавна в его территорию входил. Монастырь ведь его бабушка строить начинала. Когда его отец граф Руно узнал что настоятельница сторону короля приняла, он хотел его вместе с городом спалить, да жена не дала.

– Жена не дала? – вытаращила глаза Адель.

– А то! Графинюшка у нас была Ух! Высокая, крупная. Как крикнет дома на девок, в поле слышно. Муженек то ей до плеча не доставал. Жаль только от беды уговорить его не смогла. А вот за монастырь грудью стала.

– Вы ее знали? – догадалась Аделаида.

– Еще бы не знать! Меня же лет сорок назад к старшему их сыночку кормилицей взяли. У меня на руках и он и средний и младший выросли. Хорошие были дитятки... если бы не дурень отец...

– Она жива?

– Не знаю. Ее то король пощадил, а вот мужа и двоих старших сыновей на ее глазах повесели. Говорят она с маленьким Сигизмундом куда-то уехала. Много лет от них ни слуху ни духу

не было, а вот теперь молодой граф объявился. Видимо прибрал бог душу моей графинюшки. Была бы мать жива она бы ему, бездельнику, безобразить не дала, – вздохнула матушка Мария.

Кончиком белоснежного фартука она вытерла слезу и понуро пошла прочь. Откусив кусочек пирожка с яблоками Адель поняла, что у нее пропал аппетит. Положив свой пирожок вместе с двумя пряниками Брены, девочка пошла в ювелирную мастерскую. Мистер Гюго еще неделю назад должен был приехать из столицы и привезти ответ на последнее письмо, но встретив на углу маленького подмастерья, Адель узнала что ювелир до сих пор не вернулся домой. Это было очень на него не похоже. За все годы, что велась переписка мистер Гюго задерживался от силы на пару дней, но не больше. По испуганным глазам мальчишки Адель поняла что у них есть поводы для беспокойства. Ювелир, возвращающийся с крупной суммой денег в сопровождении лишь трех-четырех солдат, был хорошей наживкой для банды негодяев.

– Только бы все было хорошо! – прошептала про себя Адель и в припрыжку поспешила обратно. В городе ей стало как то неуютно, так хотелось побыстрее спрятаться за высокой монастырской стеной.

– Боже, мой! Наконец-то ты вернулась, – с порога затараторила Брена. – Тебя везде ищут.

– Меня!?

– Да! Настоятельница запретила сестрам покидать монастырь без ее личного разрешения! Ворота закрыты на замок, – начала рассказывать Брена. В монастыре так редко что-то происходило, что хватало малейшего повода для разговоров.

– Странно. Я уходила рано и ворота были открыты, а когда пришла обратно, то постучалась и меня без разговоров пустили внутрь. Пойду скажу сестрам что я вернулась, – воскликнула Адель и поспешила прочь.

Так прошли томительные две недели. В город никого не пускали. Жизнь как будто замерла в ожидании чего-то. Однако это «что-то» таки не происходило и напряжение постепенно отпуская обитателей монастыря.

– Говорят, на опушке леса снова видели каких-то всадников, – рассказывала Адель причесывая длинные волосы госпожи.

Теперь уже и она могла похвастаться волосами. И пусть ее косы не спускались до колен как у Брены, зато кончик косы уже можно было прятать за пояс, что бы он не мешал работать внаклонку.

– Говорят, говорят! Эти болтушки все время что-то говорят, и всего бояться. Но никогда ничего не происходит, – огрызнулась Брена. Она с нетерпением ждала письма от брата и ее терпению приходил конец. – Когда откроют ворота!?

– Не знаю, ваше высочество.

– Так сходи и узнай!

– Я!?

– Ты!!! Скажи что мне очень надо! Может тебя пустят?

– Ну, не знаю...

– Иди узнай! – замахала на служанку руками Брена. Положив расческу на стол Адель послушно пошла на разведку, однако быстро вернулась.

– В город пускают лишь обозы с провиантом. Сестра-хозяйка разрешения мне не дала, – поведала Адель.

– Ну, ты и бестолочь! Зачем было идти к ней? Подойди к привратнице, дай монетку, она и пропустит. Не я же должна тебя учить!?! – топнула ногой Брена.

Вздыхнув Адель снова пошла на улицу, но быстро прибежала переодеваться. Старую привратницу долго уговаривать не пришлось.

– Что ты здесь делаешь? Зачем же ты голубушка из монастыря-то вышла?

– воскликнула матушка Мария, увидев девочку.

– Мне... мне срочно к мистериу Гюго надо! – стала оправдываться Адель. Попросить пирожка она уже не осмелилась.

– К Гюго? Так он же... нет его.

– А когда будет?

– Да уже никогда, – вдруг всплакнула старушка. – Он ведь до столицы так и не доехал... по дороге его бандиты поймали...

– Где он? – воскликнула Аделаида.

– Как где? Уж с мясцок как на небесах. Неделю назад его помощник вернулся раненый, но живой.

– А...а его вещь?

– Так знамо дело растащили.

– Понятно, – прошептала Адель. – «А если письмо к бандитам попало?»

От этой мысли девочку даже озноб пробрал. Она стала судорожно вспоминать текст. Переписка велась столько лет, что уже давно обе стороны потеряли бдительность. В письме Адель пару раз называла короля по имени и с десятков раз использовала слово «брат». Ни «король», ни «ваше величество» она не писала. Ну, ладно, похоже все обошлось. Слава богу у короля не одна тысяча тезок по стране и у большинства есть сестры. Адель даже улыбнулась от облегчения, но вдруг вспомнила, что в тот день ювелир вез и письмо от настоятельницы. Уж она-то точно не будет обращаться к королю по имени. И даже если в своем письме она ни разу не упомянет ни имя «Брена» ни слово «сестра» дела могут быть плохи. Каждое из писем в отдельности не страшно, но если кто-то соединит их вместе то последствия могут быть катастрофическими. Прокрутив все это в голове Адель почувствовала как потемнело от страха в глазах. Что бы не упасть она со всего маху шлепнулась на скамью.

– Что с тобой, дитячко? – всполошилась хозяйка.

– Голова закружилась, – шепотом ответила Адель.

– Ах, ты сердешная! Мы ведь тоже как про мистера Гюго узнали, уж так расстроились.

Поди на кухню я тебя таким отваром яблочным угощу или молоком.

– Спасибо, – согласилась Адель, – я чуть-чуть у вас посижу и пойду...

– Да, не спеши ты! Пойдем я тебе про графинюшку расскажу, – предложила матушка Мария и повела девочку в кухню.

За разговорами время неслоь незаметно. В жарко натопленной кухне витал сильный аромат свежей выпечки. Было так хорошо, так уютно, что никуда не хотелось идти. А особенно не хотелось возвращаться с плохими новостями в монастырь. Адель допивала уже четвертую кружку молока, когда в кухню с грохотом влетела Ганна. Худая Ганна, как ее называли в округе была невесткой матушке Марии. Она была высокая и чрезвычайно худая, с вытянутым длинным лицом и некрасивыми лошадиными зубами. Сказать по чести Адель всегда недолюбливала эту ворчливую сплетницу. Что-то было во всем ее облике неприятное, подленькое. Так и казалось стоит отвернуться как она бросит камень в спину. И как только добрая матушка Мария с ней жила?

– Вот вы где! – с лету затараторила Ганна. – Там такое... такое твориться! Из лесу бандитов целая армия выбежала! С дубинами, мечами, со стрелами... Жуть! Они монастырь окружили. Кричат, костры жгут!

– А реку перешли? – спросила Хозяйка.

– Нет еще, но им не долго! Надо добро прятать! Все по выгребут изверги!

– закричала Ганна. Она схватила со стола скатерть и стала складывать в нее посуду и утварь.

– Иди в дом, – отогнала ее матушка Мария, – я здесь сама уберу. Принеси все сюда, в погребе спрячем. И не высовывайся без надобности. Господи, а с тобой-то что делать? – вдруг вспомнила о гостыи она.

– Со мной? – наконец очухалась Адель. – Я ... мне пора. Мне в монастырь надо возвращаться. Я побегу.

– Куда?! Нельзя тебе туда! Там все окружено. Там бандиты!

– Мне надо!

– Не пущу! – замотала головой хозяйка.

Но Адель ужом пролезла у нее под рукой и опрометью бросилась на улицу. В городе стоял невообразимый шум. Люди в панике бегали туда, сюда с баулами, котомками. Бабка палками загоняла кур, а молодая мамаша тащила в дом двух надрывающихся от рева малышей. Никто не обращал внимания на маленькую фигурку в зеленом платье. Адель бегом пробежала город и остановилась как вкопанная вытаращив глаза на открывшуюся ее взору картину. Ферма мистера Тюдо была разграблена. Но людей видно не было. Видимо все ушли за реку. Адель собравшись с духом, зайцем понеслась к ферме. Спрятавшись за сарайчик она стала озираться вокруг. Угол дома был черен от копоти и дыма. Видимо его пытались поджечь но сырое после дождя дерево не поддавалось. Поле было вытоптано, аккуратный огород мисс Тюдо был разорен. По всему двору валялись трупы животных и кур. На крыльце лежало тело хозяина. Он лежал лицом в огромной луже крови, которая стекала вниз по ступенькам. Подойти ближе и войти в дом Адель не решилась. Она мелкими перебежками побежала к коровнику, а потом к невысокому стогу недавно скошенного сена. С этого места виднелись кусты, растущие вдоль реки.

– Вот разрослись! – пробурчала Адель.

За пышной зарослью ни монастыря ни опушки леса видно не было. Однако был слышен гомон сотен людей, крики, ржание лошадей. Похоже сразу за рекой на лугу был возведен лагерь.

– И когда только они успели? – изумилась она. Еще утром никого не было, а теперь, после обеда творилось такое!

Все таки в монастырь пробраться было необходимо. За его могучими стенами находился дом и Брена. Там было безопасно. Адель до слез захотелось вернуться. Но как? По мосту не пройти. Плыть в длинном платье будет неудобно, а без него опасно. Чуть дальше по реке есть брод вдруг вспомнила она. Можно было перейти, подоткнув подол. Но как перелезть через стену?

– Доберусь до лесу, а там поглядим, – пробормотала Аделаида себе под нос. И взвизгнула когда чья то рука схватила ее за лодыжку.

– Тихо! Не кричи, – послышался знакомый голос их стога.

И тут же перед глазами девочки предстала рыжая голова Скотта. Скотт Тюдо был младшим сыном фермера, ну или одним из младших. Адель никогда не могла в этой большой босоногой ораве понять кто старше, а кто младше. Фермерские дети, в свободное от работы время обычно носились всей гурьбой. Они были так грязны и чумазы что Аделаида предпочитала обходить их стороной. Но точно знала что этого бойкого и рыжего зовут Скотт.

– Скотт, это ты? – переспросила она на всякий случай.

– Да. Залезай в сено, тебя за версту видно, – потянул ее за руку Скотт.

– Нет. Мне в монастырь надо. Я пойду.

– Совсем очумела!? Да тебя живо поймают как куропатку. Они все окружили и мышшь не проскочит.

– Мне очень надо.

– Ну раз очень. Ты тут посиди. А как стемнеет я тебя до брода провожу.

– Спасибо, – поблагодарила его Адель и шустро забралась в стог. Внутри было тепло и сухо. Скотт сделал небольшую норку, в которую поместились оба. Сделав несколько вдохов Адель почувствовала как от пыли защекотало в носу и громко чихнула.

– А! Вот если бы сено было сухое совсем бы задохнулись, – объяснил Скотт.

– Ты здесь давно?

– С утра. Батя бандитов еще с вечера заприметил. Мы всю ночь в погребке просидели, а утром как рассвело меня скотину отвязать отправили. Я корову и кобылку нашу к пригорку повел когда бандиты пришли. Кобылу они не догнали, я ее так на последок стигонул. А вот коровушку на моих глазах порешили. Не вразумлю я, дойную то зачем убивать?

– Не знаю...

– Эх, батя с меня теперь три шкуры снимет, – вздохнул Скотт. Адель промолчала.

Ей не хотелось говорить мальчику о смерти отца. Возможно мать с остальными до сих пор была надежна спрятана в погребке. А может и нет.

– Зачем они здесь? Поблизости даже богатого имения нет. Даи в монастыре поживиться особо нечем, – перевела разговор Адель.

– Почем знать? Мать еще неделю назад предлагала к тетке уехать. Но отец уперся. Скотина, дом. Все говорил покуролесят изверги и уедут, когда монашки выкуп заплатят.

– Выкуп?

– Ну, да. Вроде раньше так было. Батя говорит с ними Лютый, барин наш бывший, он своих людей трогать не будет.

– Ну, да... – Протянула Адель.

Судя по всему надежда на это была слабой. Услышав как у соседа урчит в животе Адель вспомнила о сладостях, спрятанных за поясом. Развернув льняной платочек она выложила его содержимое на колени и поровну поделила с другом. Увидев пряники щедро облитые глазурью Скотт даже причмокнул.

– Никогда такого не ел! Можно? – спросил он.

Адель лишь кивнула. Не так давно и она сама считала черствый сухарик за лакомство. Мальчик робко взял пряник и стал маленькими кусочками обгрызать края явно растягивая удовольствие. Аделаида, которая вполне насытилась и пирогом положила ему на колени второй пряник. Скотт не отрываясь от своего занятия лишь благодарно кивнул. Так они и просидели до темна. Они слышали и крики, доносившиеся из города, и лошадиное ржание и визг какой-то женщины неподалеку, но выглянуть побоялись. Когда стало совсем темно Скотт молча потянул подругу за рукав. Адель стряхнув дремоту послушно вылезла наружу. Как нарочно, в небе светила полная луна, но с другой стороны хорошо было видно дорогу. Взявшись за руки беглецы пробежали до кустов и под прикрытием зарослей пошли вдоль реки до брода. Скотт без малейшего смущения стал раздеваться.

– Что ты делаешь? – ахнула Адель.

– Знамо дело, штаны снимаю. Ни в мокром же исподнем ходить? – пробурчал Скотт.

Подумав Адель тоже сняла платье и тунику, однако нижнюю рубашку оставила. Подняв одежду над головой Скотт первым вошел в воду, крепко держа за руку подругу. Уж он-то знал достаточно оступиться и булькнешь в самую глубину.

– Как хорошо, что я не пошла одна. – подумала Адель натягивая на берегу платье.

Она была полностью уверена, что брод был в другом месте. Адель никогда бы не прошла сама. Ночь была холодной. Подол нижней рубашки намок до самого пояса и даже одев платье девочка тряслась от холода. Возвращались по берегу они медленно, стараясь не шуметь. Уже из далека было видно зарево костров, разложенных вдоль монастырских стен и гомон сотен мужчин. В самом монастыре стояла гнетущая тишина.

– Посиди здесь. Я проберусь поближе, послушаю, – предложил Скотт и бесшумно скрылся в темноте. Казалось его не было целый час. Но вот кусты пошевелились и Адель с облегчением увидела рыжую голову друга.

– Что там? – спросила она.

– Да пьяные все, как свиньи. Валяются у костров, балаболят.

– А о чем, слышал?

– Да о какой-то дамочке знатной. Они за ней приехали.

– О, боже, Брена! – выдохнула Адель. – Неужели из-за их письма все раскрылось!?

– Что?

– Ничего! О чем еще говорили?

– Да, о разном. Один на жоака ругался. Мол монашки деньги предложили, а Лютый отказался. Подавай ему бабенку и все! Иначе, говорит спалю все к чертовой матери.

– Мне туда надо!

– А может не стоит?! – с надеждой в голосе спросил Скотт.

– Надо! Очень, очень надо!

– Ну, ладно, давай попробуем, может со стороны леса народу поменьше будет, – Здравомысленно рассудил мальчик и взяв свою спутницу за руку повел ее к лесу.

Миновав заросший елью участок они вышли на опушку и спрятались в молодняке, разросшимся перед лесом. С этого места до стены было несколько десятков метров. Добежать до нее не составит труда, но вот как забраться на стену?

– Встанешь мне на плечи и попробуешь дотянуться до края забора.

– Нет. Я не смогу, высоко... – огорчилась Адель, но не на долго. – Постой, южнее возле хозяйственной постройки растет дерево. Одна из ее ветвей перекинулась за забор. Если до нее дотянуться...

– Хорошо, пойдем, – согласился Скотт.

Они осторожно пошли на юг и через десять минут увидели дерево и толстенную ветку висящую на заборе. Оглядевшись вокруг Адель первая побежала к стене, возвышавшейся к небу. Вблизи она казалась еще выше. С помощью Скотта девочка смогла дотянуться до нижней ветки и напрягая силы начала подтягиваться вверх. Придерживаясь руками за ветку Адель встала Скотту на плечи. Еще чуть-чуть и она сможет закинуть ногу на сучек. Потянув сильнее ветку Аделаида вдруг почувствовала как дерево подалось вниз. Видимо большой сучек был благополучно спилен на кануне и висел как говориться на соплях. С криком Адель рухнула на Скотта, сверху их сильно придавило дерево. Возможно они бы и успели бы благополучно из под него выбраться, но увыв на шум прибежали несколько мужчин. Они с гиканьем и сальными шутками вытащили детей из завала и потащили к лагерю.

– Господи, если Лютый узнает, что меня нашли возле забора монастыря и увидит это чертово дорогое платье, меня еще чего доброго за Брену примут, – сообразила Адель.

Но до лагеря они не добрались. Двое мужчин о чем-то шепотом посоветовались и один из них, тот что был пониже ростом, вдруг схватив девочку за руку поволок к кустам. Поняв, что к лагерю ее не тащат Адель вздохнула свободно, и лишь почувствовав на губах слюнявый рот, сообразила, почему ее не отвели к кострам. Одной рукой мужчина держал ее за руку, другой крепко схватил за волосы сзади не давая возможность крутить головой. Сам же он изо всех сил пытался протиснуть свой язык через стиснутые зубы девочки. Он все сильнее и сильнее сжимал волосы заставляя подчиниться, но Адель понимала что если откроет рот то ее просто вырвет от омерзения. От его противного кислого дыхания у нее уже закружилась голова. Разозлившись на ее сопротивление мужчина сильно дернул ее за волосы вниз. Адель с криком

упала на колени и тут же на нее навалилось тяжелое мужское тело. Насильник прижал к земле испуганного ребенка, не давая возможности пошевелить ни рукой ни ногой. Адель от страха зажмурила глаза, ожидая что он начнет раздвигать ей ноги. Но мужчина приблизив голову к ее лицу вдруг стал облизывать языком ее щеки, глаза, шею. Мокрый слюнявый язык залезал в нос, в ухо, заставляя корчиться от омерзения. И похоже самому негодяю эти действия доставляли удовольствие. Адель терпела эту пытку несколько долгих минут, но когда извращенец разомкнув рукой ей губы стал пускать в рот слюну, девочка не выдержала. Она успела лишь отвернуть голову в сторону прежде чем первый сильный приступ рвоты сотряс ее тело. Мужчина, почувствовав неладное подскочил. Он молча смотрел как содрогается маленькое тельце. А потом процедив «сука» несколько раз сильно пнул ногой в живот. Адель от острой боли согнулась пополам. У нее не хватило сил даже на сопротивление, когда мужчина снова навалился на нее сверху. Лишь почувствовав на своих бедрах прохладный ветерок Аделаида поняла что ее платье задрано до самого пояса. Грубые мужские руки по-хозяйски ощупывали ноги, приближаясь к самым интимным местам испуганной девочки. Аделаида лежала молча, раскинув в стороны отяжелевшие руки, стиснув до боли зубы. Сил для крика или сопротивления не осталось. Она лишь с отчаянием ждала неизбежного. Вдруг Адель под рукой почувствовала острый небольшой камень, впившийся в ладонь. Ни минуты не раздумывая она сжала его в кулаке и подняв руку со всей силы ударила им насильника по голове. Мужчина крикнув тяжело упал на бок. Несколько мгновений Адель лежала не дыша, а потом аккуратно стала высвобождать из под него придавленную руку. Аделаида встала и заканчивала поправлять платье, когда негодяй начал шевелиться. Опомнившись девочка, подхватив юбку кинулась в лес. Она бежала так быстро, словно за ней гнался дьявол, не чувствуя как колючки, запутавшиеся в длинных прядях рвут волосы, а острые ветки до крови царапают лицо. Добежав до реки Адель не раздумывая бросилась в холодную воду. Она плыла и плыла, напрягая последние силы, отчаянно борясь с сильным течением и отяжелевшей одеждой. Ее спасло лишь умение хорошо плавать. Добравшись до берега она рухнула без сил на траву и долго приходила в себя, однако услышав голоса заставила себя подняться на ноги и медленно побрела в город. Стояла глубокая ночь, но то тут, то там слышались громкие голоса, женские крики, пьяный мужской смех. Видимо бандиты гуляли во всю. Соблюдая осторожность Адель окольными путями пробралась в город только к рассвету. Она мышью проскочила по пустынным улицам. Везде наблюдая следы погромов и грабежей. Несколько раз она спотыкалась о трупы горожан, мужчин и женщин, с которыми здоровалась еще вчера утром. Добравшись до дома матушки Марии Адель осторожно поскреблась в дверь. Не услышав ответа и боясь зашуметь сильнее девочка решила перелезть через низкую изгородь и проскользнуть во двор. Там она снова постучала в закрытую заднюю дверь. Но ответа не получила. Адель понура побрела прочь когда услышала шум отодвигаемых задвижек. Увидев в проеме двери знакомую фигуру матушки Марии девочка вскрикнула от радости, а потом неожиданно как подкошенная упала на траву без чувств.

Адель казалось что она плывет по облакам. То поднимается вверх, то резко опускается вниз. Потом она видела чистый водопад с кристальной водой, ее мучила жажда. Но сколько она не пыталась так и не смогла из него напиться. Аделаида очнулась от того, что чьи-то грубые руки пытались снять с нее золотую цепочку. Вспомнив, чей это подарок, девочка приложив все силы схватила вора за руку. Открыв глаза она увидела искаженное злобой лицо худой Ганны, которая пыталась выдернуть руку.

– Пусти! – сквозь зубы прошипела она.

Ответить Адель не смогла, она снова погрузилась в темноту, сжимая в кулаке заветную цепочку. В следующий раз девочка очнулась от того что сильно щипало горло. Открыв опухшие воспаленные глаза она невидящим взором уставилась в потолок.

– Проснулась, дитяtko? – тихо спросила сидящая рядом матушка Мария.

– Пить... – хотела прошептать Адель, но язык никак не хотел слушаться.

– Ах, сердешная, сейчас попить дам, – догадалась хозяйка и стала с ложечки поить большую смешанной с вином водой.

Утолив жажду девочка почувствовала себя немного лучше. Хотя по прежнему сильно болело горло и кружилась голова. Постепенно память стала возвращаться. Вспомнив события предыдущего дня Адель подскочила на кровати, но матушка Мария снова поспешила ее уложить.

– Куда это ты направилась? Оклематься не успела, а уже бежать? улыбнулась хозяйка. Адель попыталась снова что-то сказать, но из ее уст выходили лишь хрипы. Схватившись за горло она без сил опустилась на постель.

– Ах, ты сердешная. Говорила ведь тебе не ходи! Сначала бандит окаянный схватил, а потом лихорадка три дня не унималась. Знаю, все знаю! Еще позавчера рыжеголовый Скотт прибежал. Отца то его убили, а вот мать с детьми три дня в погребке просидела, жива, здорова, – ответила на вопрошающий взгляд больной пожилая женщина, – мальчишка все и рассказал о ваших приключениях. Он ведь тоже убежал и все из кустов видел, да помочь побоялся. Он ведь тебя, бедолага до утра по лесу искал. Ему и в голову не пришло что ты в холодную воду кинешься. Речка то у нас хоть и не широкая, да норовистая. Не всякий взрослый переплывет, – не унималась матушка Мария. – Как от мужичка сбежала надо было в лесу схорониться, да подальше бежать. Зачем тебя дуреху в город понесло? Бандитов в городе пруд пруди. А коли тебя бы увидели? Они ведь все дома прошерстили. Столько мужиков убили, девок перепортили... если бы я у Лютого кормилицей не была и тебя и меня бы... – старушка только рукой махнула.

Адель долго сидела тихо, переваривая услышанное. О том, что в городе опаснее, чем в лесу она даже не подумала. Просто чудо что она ни на кого не напоролась в ту ночь. Да и в монастырь не надо было лезть. Отсиделась бы на кухне пару деньков, а когда бандиты ушли вернулась бы к Брене. А теперь вот когда болезнь отойдет? Может матушку Гулию позвать? Она то уж быстро на ноги поставит. Да и о монастыре надо бы узнать, чем там дело с выкупом кончилось. Адель постаралась жестами выпросить у матушки Марии о событиях предыдущих дней. Сначала старушка лишь изумленно на нее взирала, но в конце концов поняла что к чему.

– Хочешь знать что в монастыре происходило? Лежи, лежи, я все расскажу. Ты только милая не плачь. За те три денечка что ты в лихорадке металась много воды утекло. Лютый он ведь не просто так в наши края наведывался. Он какую-то дамочку искал. Монашки ему деньги, да драгоценности предлагали, а он все про эту спрашивал. Видимо не получилось у них там сговора. Лютый приказал стрелами горящими монашек обстрелять, хотел их как лису из норы дымом выманить. Настоятельница то всех своих в часовенке каменной собрала. Думала бог поможет. Ан, не помог... – матушка Мария всхлипнула, губы ее затряслись.

Пожилая женщина уткнулась лицом в белый фартук. Адель притихла, не дыша ожидая продолжения. Она уже поняла что в монастыре случилось что-то ужасное. может Брена сгорела или кто из монашек? Девушка сгораемая от волнения тронула старушку за плечо. Матушка Мария подняла на нее покрасневшие глаза.

– Ах, дитячко, ты сиротинушка! Они ведь все, все как один угорели. Чесовенка-то каменная была, а крылечко деревянное. Как оно сгорело, так вход бревнами и завалило... – на несколько минут в комнате наступила гнетущая тишина. Потом хозяйка снова продолжила свой рассказ. – Когда бандиты то ворота сломали у них аж волосы от ужаса дыбом встали. Они весь монастырь обошли – никого. А уж как в часовенку заглянули... граф то наш, он попугать хотел... они в туже ночь и ушли, даже трупы трогать не стали. Говорят Лютый приказал ничего из монастыря не брать, но видимо его не больно послушали... Наши мужики вчера ходили, там все перевернуто... – старушка все говорила и говорила.

Адель ее уже не слушала. Как такое могло случиться что никого не осталось в живых? Только несколько дней назад она помогала матушке Гулии сушить траву, смеялась над неуклюжестью великанши Гретты, которая утром споткнулась о грабли, учила греческий с матушкой Ефросиньей. Сначала Адель сидела тихо. До нее никак не доходил смысл сказанного. Мертвы, все мертвы! Да этого просто не могло быть! А вредные девчонки, сверстницы самой Адель, а мать Атавия, надменная, гордая, живая... – слезы потекли сами собой, тихие слезы горя. Но когда перед глазами встало лицо Брены, такое до боли родное, Аделаида уже не сдержалась. Тело девочки сотряслось рыданиями. Она плакала и плакала вымещая горе и отчаянье в соломенный полусгнивший тюфяк. Матушка Мария попыталась ее уговорить, но поняв что ребенок ее не слышит, старушка вздыхая вышла из комнаты. Когда она вернулась неся теплый мятный отвар Адель уже спала. Следующие несколько дней девочка провела в полудреме. Ее затуманенное болезнью и горем сознание то погружалось в сон, то не на долго возвращалось в маленькую жарко натопленную комнату.

Адель проснулась от шума, доносившегося с улицы. Слышались громкие голоса, ржание лошадей.

– Неужели снова вернулась банда? – с испугом подумала она и стала озираться кругом в поисках какого-нибудь оружия.

Но кроме глиняного кувшина с водой, ничего больше не было. Через полчаса в комнату вошла матушка Мария неся в руках миску с дымящимся бульоном.

– Уже проснулась? Вот и ладненько, – улыбнулась она, но заметив страх в детских глазах, поспешила успокоить больную. – Не бойся, голубушка! Это свои... договорить ей не дала невестка пулей влетевшая в комнату. Глаза ее блестели. Было видно что ее распирало от новостей. Она с порога начала тараторить:

– Король наш, армию прислала с душегубами поквитаться. Конных, пеших нагнали. Кони у всех чернющие. Рыцарей тьма! Все разряжены, доспехи блестят, аж глазам больно. Особенно их главный ох, как хорош... хорош... – она была в таком возбуждении, что начала проглатывать слова, но взглянув на осуждающее лицо свекрови чуть успокоилась. – Наши девки с ума посходили. Говорят кузен самого короля. Принесли как черти, ах лошади в мыле. Жаль только опоздали они... их главный как узнал что в монастыре никого в живых не осталось, так чуть с коня не упал, посерел весь. Они ведь тоже за какой-то девицей приехали. Все по камешку там перебрали. Видимо та дамочка, что у монашек жила и вправду важной птицей оказалась. Так уж этот красавиц герцог рассвирипел, чуть наших мужиков не зарубил, да одумался.

– Может монашка ему родственницей была? – здраво предположила старушка и оставив на столике бульон вышла из комнаты, прихватив с собой невестку. Добавила только с порога: – Ты только, голубушка, в окошко не высывайся. Солдаты то королевские, а кое в чем похуже бандитов будут. Коли тебя заприметят пиши пропало. Я дверь то на всякий случай на щеколду закрою.

Услышав ее последнюю фразу Адель так и подскочила на кровати. Она сердцем чувала что красавиц герцог, ищущий родственницу не кто иной как Амандо, герцог Альба. Стремительный, напористый, красивый... это мог быть только он. Да и кому еще король мог поручить это ответственную и деликатную миссию.

– Его надо срочно найти, все ему рассказать, – пронеслось в голове у Адель.

Она спустила на пол ноги. Несколько секунд девочка боролась с головокружением. Она дотянулась до миски и быстро, обжигая губы выпила горячий бульон. Через несколько минут она и в самом деле почувствовала прилив сил. Адель медленно встала и не спеша направилась к окну. Распухшее горло нещадно болело, голова шла кругом. Но нужно было идти. Стучать в закрытую дверь смысла не было. Матушка Мария ни за что не выпустила бы ее из дому. Адель немного повозившись с ставнями смогла открыть окно, завешенное пузырем и уже через несколько минут девочка осторожно пробиралась по притихшей улице. Шум голосов и ржа-

ние лошадей слышались слева. Пройдя между домами Адель увидела кавалькаду всадников, в окружении пеших солдат. По всей видимости армия короля покидала город. В середине в окружении рыцарей ехал молодой красивый мужчина. Шлем он держал в руке позволяя ветру трепать свои светлые кудрявые волосы. Его шелковый голубой плащ был изрядно испачкан сажей. Видимо герцог сам принимал участие в поиске принцессы. Высокий, статный, он был так хорош, что на несколько минут Адель потеряла дар речи. Она опомнилась лишь когда проехавший мужчина повернулся к ней спиной. Девочка не разбирая дороги бросилась наперерез всадникам. Распихав локтями изумленных мужчин она вцепилась в стремя герцогской лошади.

– Куда лезешь, оборванка! – закричал ехавший слева рыцарь и замахнулся на ребенка хлыстом, но герцог вовремя остановил его руку.

– В чем дело? Тебе что-то надо? – спросил он. Адель судорожно закивала головой. Она пыталась что то сказать, но язык ее не слушался.

Несколько секунд герцог ожидал ответа, но потом тронув лошадь поехал дальше. Девочку, как непослушного щенка, грубо отшвырнули с дороги. Адель отлетев к стене дома рухнула в пыль. Она понимала что если сейчас Амандо уедет ей никогда его не найти. Как ему объяснить? Вдруг девочке на ум пришел дерзкий план. Она схватила уголек и стала рисовать на серой, побеленной стене дома крупный рисунок. Это был черный лебедь, тот самый, который украшал каждую страничку письма, а потом она нарисовала большую витиеватую букву «А». Именно ей заканчивал Амандо свои письма к Брене. Закончив рисовать Адель подняла голову и увидела что еще мгновение и герцог со свитой скроется за поворотом. Необходимо было как то привлечь его внимания. Адель стала махать руками и подпрыгивать, но солдаты лишь хохотали над чумазым ребенком. От отчаяния Аделаида плюхнулась на колени и завизжала, завизжала так, что у нее самой заложило уши. По ее грязному лицу текли слезы, голова начала болеть, земля запрыгала перед глазами, а она все визжала и визжала, пока без чувств не рухнула в пыль. Она уже не видела ни изумленного взгляда Амандо, ни его громких приказов, ни кутерьмы, поднявшейся вокруг. Адель показалось что она летит на облаке, когда сильные руки герцога подняли ее с земли и понесли в ближайший открытый дом. Но там она пробыла не долго. Уже через день ее в крытой карете повезли в глубь страны. Герцог быстро узнал у горожан что эта грязная бледная девочка, в непомерно большой ночной сорочке, единственная выжившая воспитанница монастыря.

Глава 5

Адель открыла глаза и долго обводила взглядом незнакомую комнату. Потолок и стены были обиты деревянными панелями. В большом камине, украшенном лепниной потрескивал огонь. Окошко затянутое дорогой слюдой щедро пропускало в комнату солнечный свет.

– Куда это я попала? – пронеслось у Адель в голове.

Никогда в жизни она не видела такой богатой комнаты. Даже покои настоятельницы блекли по сравнению с ней. Адель потрогала рукой мягкую перину, застеленную льняными простынями и несколько раз хлопнула рукой по толстому набитому перьями одеялу. Услышав шум, к ней тут же подбежала дремавшая в кресле служанка. Это была худенькая девочка помладше самой Адель, с совершенно белыми волосами. Ее ресницы и брови выделялись белыми полосами на загорелом лице. Она сбегала за кувшином и ловко, со знанием дела наполнила больную каким-то горьковатым теплым настоем. Аделаида, у которой опухло горло, глотала с большим трудом, едва сдерживая слезы. Она хотела многое спросить у служанки, но язык опух и едва ворочался во рту. Ни одного связанного слова она произнести не смогла и лишь кивком головы поблагодарила девочку за заботу. Убрав кувшин служанка бегом убежала из комнаты и уже через десять минут в дверь вошел Амандо. Видимо он тренировался на плацу, так как на нем были боевые доспехи. Адель даже глаза зажмурила, настолько сильно блестел на солнце его начищенный серебряный нагрудник. Герцог несколько минут постоял около кровати, разглядывая девочку, потом осторожно сел на край.

– Как ты себя чувствуешь, Брена? – нахмурив брови спросил он. – Ты уже два дня не приходила в себя и здорово нас напугала. – он спросил что-то еще, но Адель это уже не слышала.

«Он назвал меня Брена! Он считает, что я его кузина, сестра короля» – догадалась она. Его нужно было поправить. Адель стала яростно мотать головой, показывая жестами что он ошибся, но Амандо ничего не мог понять.

– Не волнуйся, Брена. Я все знаю о том, что произошло в монастыре. И ... под его стенами. Никто кроме тебя не выжил. Я понимаю как тебе тяжело враз потерять всех близких людей, ведь ты столько лет жила с ними и без сомнения привязалась к монашкам. Я не смогу тебе их вернуть, но обещаю что отомщу за каждую безвинно сгубленную душу. Мои люди по всей стране разыскивают банду и их главаря. Многие уже попались. Не плачь, – начал уговаривать девочку герцог, но она снова начала вертеть головой, пытаясь ему жестами все объяснить. А потом вдруг разревелась уткнувшись носом в его руку. Амандо стал аккуратно гладить ее по голове, чувствуя как тело девочки сотрясают рыдания.

Лорд Альба с опаской за ней наблюдал. Он с детства знал, что младшая кузина больна, может это один из ее приступов? Хотя сумасшедшей она не казалась. И, если быть честным герцог просто был поражен ее внешним видом. Раньше он всегда считал сестру короля странным нелюдимым ребенком и испытывал к ней скорее жалость, чем привязанность. Амандо до глубины души был поражен, когда Гунальд впервые дал ему прочесть письмо сестры. В нем было столько добра, света, столько детской непосредственности, смешанной с какой-то неуловимой женской мудростью. Брена умудрялась даже самые маловажные бытовые события описывать с таким юмором, что у Амандо слезы наворачивались на глаза от смеха. Находясь практически в заточении девочка никогда не жаловалась на судьбу, ничего не просила, а наоборот старалась поделиться с окружающими неиссякаемым задором и добротой, щедро приправленной искренней заботой о брате и непосредственным любопытством. У Брены был замечательный легкий слог и совершенно незабываемый красивый изящный подчerk. При всем при том из года в год настоятельница в своих письмах повторяла, что ее воспитанница не только серьезно больна, но и упряма, ленива, необразованна и неграмотна. Король терялся в догадках, и в конце кон-

цов решив вернуть сестру в столицу к ее пятнадцатилетию. Но увыв не успел. Амандо находился в одной из восточных крепостей, когда получил известие о нападении на монастырь. Не дожидаясь приказа короля, до которого известия дойдут позднее, он вместе со своими людьми поспешил к городу, однако увидев руины святой обители и узнав о трагедии случившейся в ней, в герцога как будто дьявол вселился. Он ни за что не хотел поверить что бог забрал к себе чистого невинного ребенка. Только разгребая руками завалы в поисках чудом уцелевших людей Амандо понял насколько сильно он был привязан к этой маленькой больной девочке с большой светлой душой. Но все таки бог есть на свете и он явил чудо. Кто бы мог подумать что единственным выжившим человеком из нескольких сотен живших в монастыре окажется именно Брена. У герцога даже мурашки побежали по спине, когда он подумал что мог просто ее не найти, не увидеть тот рисунок, уехать... Раньше он Брену представлял некрасивой толстенной девочкой, единственным украшением которой были красивые длинные черные волосы. Разве можно было представить, что этот гадкий утенок превратиться в такого прекрасного лебедя. Черного лебедя. Когда маленькую нищенку отмыли и переодели герцог не поверил своим глазам. Девочка была худенькой, изящной, с тонкими красивыми чертами лица. Ее кожа была чрезвычайно бледна после болезни, а под глазами залегли темные круги. Но даже это не портило прелестной картины. В ореоле роскошных черных кудрей, рассыпанных по подушки, Брена была на диво прекрасна. Лекарь заверил, что ребенок скоро поправится от лихорадки, вызванной купанием в холодной воде. В городе многие с охотой рассказали герцогу о маленькой симпатичной, хорошо одетой девочке приходившей из монастыря. Особенно много о ней поведала старушка, попутно угощая свежесдобитыми пирожками. Так Амандо узнал о том, что Брена сама каждую неделю выходила в город и относила ювелиру письма к королю, попутно покупая мелкие безделушки и сладости. Теперь герцогу стало понятно откуда бандиты прознали о принцессе жившей в монастыре. Когда его мысли возвращались к этим извергам, которые не побоявшись божьего гнева убили почти сотню человек и не просто человек а монахинь, герцог начинал звереть. Конечно и он сам был не безгрешен. На его руках как и у любого другого война было сотни трупов. Но одно дело убить в бою врага и совсем другое спалить монастырь, с живыми женщинами и детьми. Этому нет оправдания. Негодяи заплатят за каждую каплю безвинно пролитой крови. Даже представить сложно что пережила маленькая Брена потеряв дом, друзей, наставниц. И все таки эта девчонка обладала смелостью своих знаменитых предков. Это же надо было решиться пробраться в окруженный бандитами монастырь. А разбить голову опьяневшему от зверств насильнику. Ни каждая взрослая женщина на такое осмелиться. И где только она научилась так плавать? Амандо несколько раз проходил через реку по мосту и даже он не решился бы пересечь ее бурные воды в плавь. Отчаянная девчонка. Все таки как же сильно она изменилась. Была ожесточенной замкнутой скрытной, а теперь... порой в голову молодого человека закрадывались сомнения. Но кто кроме принцессы и может быть нескольких близких монахинь, знали о переписке? А кулон на ее шее? Амандо узнал бы его из сотен. Да и горожане называли девочку не иначе как маленькая госпожа. Уж их то не обманешь. Девочка подняла голову и мысли герцога снова вернулись к ребенку. Она успокоилась и с виноватой улыбкой посмотрела на молодого человека. Амандо улыбнулся в ответ. Только сейчас он заметил, что глаза у Брены красивого темно зеленого цвета. Цвета мокрой листвы после дождя. В кого бы это? Хотя сам герцог не очень хорошо помнил родовую королевского дома. Слишком часто он сбегал с занятий старого монаха. Хотя читать и писать его все таки научили, но хорошо образованным человеком его назвать было трудно.

– Ты успокоилась? – спросил он. Девочка кивнула. Она снова попыталась ему что то показать. «Как же мне ему все объяснить?» – спрашивала она себя.

Ей было это просто необходимо. Хотя ей больше всего хотелось остаться в этой комнате с ним. Она и мечтать не могла о том что когда-нибудь увидит Амандо. И уж тем более о том что он станет гладить ее по голове. Вздохнув Адель решила поставить все на свои места. Говорить

она не могла, но вполне могла писать. В письме она объяснит герцогу все и пусть он с презрением ее осудит, но по крайней мере ее совесть будет чиста. Дернув Амандо за рукав Адель стала водила по ладошке пальчиком изображая письмо. Молодой человек наблюдал за ней какое-то время. Потом вдруг рассмеялся.

– Ты хочешь рассказать мне о письмах? – переспросил он. Адель кивнула, ожидая что он пойдет за бумагой. Но похоже герцог понял что-то другое.

– Не волнуйся, я все знаю о том как ты тайно писала брату и мне. И о том как ты сама ходила в город к ювелиру. Старушка кухарка мне многое о тебе рассказала. Она то, как и многие в городе, давно догадывались что ты из знатной семьи, правда и предположить не могла что ты сестра королю. Я не стал их просвещать. Зачем нужны лишние разговоры? – вразумлял ее Амандо. Адель сидела вытаращив глаза. Похоже бумагу он ей не принесет. Тогда она взяла его руку и стала рисовать на ладони корону, потом ее зачеркнула пальцем и показала на себя. Но герцог снова понял другое.

– Ты хочешь поговорить о короле? Ну, конечно, ты же почти не знаешь брата. Не волнуйся он очень тебя любит. Ты его единственная сестра.

Адель снова затрясла головой. Она совсем не сестра королю. Вернее сестра короля не она.

– Ты думаешь что он тебя не любит по тому что так долго держал в запаerti? – по своему понял Амандо. – Это не так. Гунальд давно хотел тебя увидеть. Он хотел через пару месяцев прислать за тобой людей и отметить твоё пятнадцатилетие в столице. Он хороший. Вы подружитесь. Ты быстро привыкнешь ко двору и придворным и этикету. Тебя всему научат. Ты, Брена будешь блистать. Выйдешь замуж за какого-то короля или принца и будешь самой красивой королевой на свете, – с улыбкой объяснил он.

Адель молчала. Голос Амандо был такой чарующе мягкий, что она готова была слушать его вечно. «Самой красивой королевой на свете» – говорил он. Если бы это было правда. «Что же, по крайней мере капля королевской крови у меня есть.» – подумала Адель. Глаза ее слепались сами собой. И уже через несколько минут розовые мечты понесли ее в заветные дали приятных снов.

Следующие две недели Аделаида провела как в тумане. Ее здоровье поправилось, она вставала, ходила, но боялась покидать пределы комнаты. Правда скучать ей не приходилось. К ней то и дело приходили гости. Хозяйка замка в которой они разместились, графиня Элеонора Фрисско, ее дочери Катрин и Эльза и конечно же Амандо. Именно его визитов девочка ждала с таким нетерпением. Горло Адель давно зажило и ничего кроме страха не мешали ей говорить. Но девочка по-прежнему предпочитала молчать, кивать и улыбаться. Ведь не говорить правду лучше чем врать, не так ли? Аделаида быстро привыкла к своему новому высокому положению.

– Все таки капля королевской крови у меня есть, – успокаивала себя она, обещая себе завтра или послезавтра все рассказать Амандо. Но проходило завтра и послезавтра...

Девочку уже не раз посещали крамольные мысли оставить все как есть. Ведь в монастыре никого не осталось. Никто не сможет доказать Брена она или нет. Ведь родственники ее не помнят. А превращаться из богатой принцессы в бедную сиротку очень не хотелось, да и очень, очень уж Адель боялась увидеть признание в голубых глазах герцога Альба.

Рано утром Аделаиду разбудили грохот множество копыт и громкие голоса внизу, но девочки не было дела до суеты, перевернувшись на другой бок она мирно погрузилась в сон. В следующий раз Адель разбудил чей то настойчивый внимательный взгляд. Открыв глаза она увидела невысокого худощавого мужчину вальяжно устроившегося в кресле. У него было узкое, не слишком привлекательное лицо, коротко стриженные черные волосы и светло карие уставшее глаза. Его лицо украшала небольшая ухоженная бородка. А еще Адель обратила внимание на его грязные, забрызганные глиной высокие сапоги, с которых на дорогой ковер стекала грязь.

– Графиня его убьет, – пронеслось у девочки в голове.

Мужчина заметив ее взгляд нисколько не смутился, лишь поудобнее расставил ноги. Похоже он уже давно наблюдал за спящим ребенком, однако начинать разговор не спешил. Так они и просидели несколько минут разглядывая друг друга.

– Не могу понять на кого ты похожа, – наконец произнес он.

После его слов Адель в испуге шарахнулась в сторону. «Неужели ее разоблачили? Может это палач?» – почему-то подумалось Адель. Она побледнела еще сильнее, отползая к стене.

– Господи, боже, я не хотел тебя пугать. Ты не узнаешь меня, Брена, детка? – мягким голосом спросил незнакомец.

Адель лишь потрясла головой. Она была точно уверена что никогда в жизни в глаза его не видела. Да и слишком уж он был богато одет для ее знакомых.

– Да, конечно, ты была совсем малышкой. Я бы тоже тебя совсем не узнал. Брена, девочка моя, я твой брат Гунальд, – с улыбкой произнес мужчина.

В принципе, после его слов малышка должна была кинуться ему на шею, но ребенок вдруг всхлипнув, разрыдался в голос. Король, а это был именно он, нахмурился. Однако приняв слезы страха за слезы облегчения, вздохнул. Гунальд пересел на постель к «сестре» и прижав черноволосую головку к груди, принялся успокаивать ребенка.

– Тебе не нужно меня бояться, тебе больше никто не причинит зла. Клянусь! Я приехал как только узнало том, что произошло в монастыре. Бедняжка, представляю что тебе пришлось пережить... – он что-то говорил и говорил тихим мягким голосом, но Адель его почти не слышала.

Перед ее глазами уже предстала виселица и веревка, затягивающаяся на шее. «Дура, какая же я дура! Надо было признаться во всем раньше! Одно дело не сказать правду герцогу, и совсем другое врать королю», – ругала себя она. Однако король, видимо был искренне рад встречи с сестрой. Он начал рассказывать смешные истории, большую часть из которых Адель уже знала. И уже через пол часа, незаметно для себя, Аделаида поняла что громко смеется. Король оказался молодым веселым мужчиной, который не питался на завтрак младенцами. У него, похоже не было никаких сомнений в том, что перед ним сидела ее высочество принцесса Беренгария Васконская. Единственное, что настораживало Гунальда это немота сестры.

– Ты думаешь она... заговорит снова? – спросил он вечером у кузена.

– Без сомнения, сир. Все в городе говорят, что Брена была общительной образованной девочкой. Да и лекарь подтверждает, что она здорова. Причиной немоты может быть потеря близких людей или страх, оставшейся после насилия.

– Мальчишка рассказал тебе что на нее напал бандит. Ты думаешь он не успел ее ... ну... – Гунальд поморщился, грубое слово не шло с языка.

Конечно он уже давно не был неженкой. Годы войны закалили не только тело короля, но и душу. Да и что греха таить, покоряя города и деревни Гунальд не раз брал силой женщин, но представить, что какой-то грязный бандит мог изнасиловать его сестру, принцессу королевской крови, но не мог. Амандо нахмурился. Эта тема для него тоже была крайне неприятной.

– Мальчишка клялся, что Брена оглушила насильника, ударив по голове камнем до того... Да и лекарь подтвердил что на ее теле нет следов ну... подобного насилия. Может, когда она придет в себя и заговорит, вы расспросите...

– Вот уж вряд ли. У меня до сих пор от ее слез камзол мокрый. Я как то это дело не люблю... – вздохнул король.

Амандо кивнул. Все знали что Гунальд и в самом деле не переносил женских слез и некоторые дамы этим успешно пользовались. Как не крути, но кому-то придется поговорить с девочкой. Потеря девственности у принцессы могла обернуться огромной политической проблемой для королевства, если конечно здоровье позволит ей выйти замуж.

– Амандо, а ты ну... не замечал за Бреной каких-то странностей?

– Нет, сир. Все эти дни и я и хозяйка дома внимательно наблюдали за девочкой, но абсолютно ничего странного мы не увидели. Просто маленький испуганный ребенок.

– Так то так, но... Я не очень помню чем она болела, но настоятельница каждый раз уверяла что ее подопечная сильно больна.

– Но она так же говорила что Брена неграмотна и глупа, но мы то знаем, что это не так. Мне кажется, мать Атавия намеренно вводила нас в заблуждение, что бы как можно дольше тянуть из вас деньги, – предположил герцог. Он всегда недолюбливал настоятельница, почувствовав в письмах принцессы неприязнь к ней.

– Наверное ты прав. Мне всегда казалось что та Брена которая писала письма не могла быть такой, которую описывала настоятельница. Ладно, бог ей судья. Сестра уже окрепла и послезавтра мы вместе вернемся в столицу. Пора показать ее двору и народу, – решил король. Но Амандо бы с ним не согласен.

– Простите, сир. Мне кажется девочку рано представлять двору. Пусть она неплохо образована, но ничего не знает ни о правилах поведения, ни о этикете принятой там. Да и из огня, да в полымя, как говориться...

– Ты прав. Пусть поживет пару месяцев в Сен-Тули, с какой-нибудь опытной дамой. Подучиться, попривыкнет... да и мне будет лишний повод навеститься к ней и отдохнуть.

– Я бы мог побыть там с ней... – начал было Амандо, но Гунальд его быстро пресек.

– Размечтался, ты и так самовольно покинул крепость. Ладно, молчи, знаю, впредь постарайся дожидаться приказа. Завтра утром отправляйся назад. Ты мне там нужнее. О сестре я позабочусь сам.

– Да, сир, – поклонился герцог.

– И спасибо, – выходя бросил король.

Он был благодарен герцогу за своевременную помощь, хоть и не одобрял его необдуманных импульсивных поступков. Командир ни под каким предлогом не должен был покидать верейную ему крепость, и тем более забирать почти всех своих людей. Благо что за неделю что гарнизон был без прикрытия не было нападений. Амандо был смел, но слишком горяч и непредсказуем. Оставалась надежда что с возрастом это пройдет. У самого Гунальда жизнь давно выбила из головы юношеский бред, научив осторожности. Иногда королю казалось, что он на много старше своих 27 лет. Прожив большую часть жизни в изгнании Гунальд как то научился доверять людям. При дворе, где каждый старался урвать кусок верить было нельзя ни кому. Письма сестры стали для молодого короля настоящей отдушиной. Тонкая нить накрепко связала его с маленькой девочкой, лица которой он даже не мог вспомнить. В памяти всплывал лишь бледный лик больного, замкнутого ребенка и исполох черных смоленых кудрей. Кто бы мог подумать что Бренна превратиться в такую красавицу, ни мать, ни тем более отец красотой не отличались. Узнав о нападении Гунальд не жалея лошадей понесся на восток. Лишь доскавав до Логриньо, он узнал об участии герцога и точном местонахождении сестры. В годы войны и смуты были убиты практически все его близкие родственники и мысль о том что он может потерять еще и сестру была невыносима. Пришла пора поближе с ней познакомиться. В воображении короля Бренна всегда оставалась маленькой девочкой, однако рассмотрев ее спящую воочию, Гунальд убедился что она уже выросла. Пожалуй пройдет лишь пару лет и какойнибудь знатный щеголь уведет ее из дома. Хотя, что греха таить, королевские браки совершаются отнюдь не на небесах...

Почти весь следующий день Адель провела с королем. Лекарь позволил ей выходить и Гунальд вместе с «сестрой» несколько часов прогуляли в обширном графском парке. Сначала Адель смущалась от внимания короля. В ее мечтах брат Брены был почти богом, но постепенно веселый нрав взял верх и уже очень скоро девочка смеялась в голос над веселыми рассказами Гунальда о дворцовой жизни. Ей так хотелось хоть одним глазочком посмотреть на

разряженных дам и важных кавалеров. Но удастся ли ей это когда-нибудь? Аделаида никак не могла решить что же ей выбрать: сладкую лож или горькую правду. Чаша весов все время склонялась то в одну, то в другую сторону. На одной было любопытство, жажда приключений, красивая жизнь, на другой страх перед разоблачением и никчемная жизнь бедной сироты, а так же чистая совесть.

– Думаю мы слишком злоупотребили гостеприимством графа. Завтра с утра мы тронемся в дорогу, – вечером сообщил король, провожая «сестру» в ее комнату. – Собирать ничего не надо. Все необходимое приобретем на месте.

Адель настороженно молчала. Она страшилась переезда, особенно двора. Уж там-то дамочки быстро выведут ее на чистую воду.

– Пожить бы пару лет в каком-нибудь уединенном замке, вдали от всех...подумала Адель. – Смелости поднакопить, а там уж и письмо для короля написать с объяснениями, а самой убежать куда-нибудь от греха подальше, – вконец размечталась она.

– Не волнуйся, Брена, сразу в столицу я тебя не повезу. Поживешь пару месяцев в каком-нибудь замке, недалеко от Панплоны, с хорошими людьми, – будто прочитав ее мысли сказал король.

Аделаида лишь благодарно улыбнулась. Вот бы по настоящему иметь такого брата. Но увы, Гунальд был братом Брены и ничего тут не попишешь.

– Вот и ладненько, – тоже улыбнулся король, – уже через неделю будешь в Сен-Тули. Замок ты хорошо знаешь, да и люди тебя помнят.

Услышав эту новость Адель ахнула. Если на земле и было место куда она не хотела, так это именно Сен-Тули. Вот там то ее точно могли узнать, вернее не узнать.

– Нет, только не это! – со слезами закричала Адель.

– Брена!? Ты снова говоришь!? Какой у тебя приятный голос, – изумился король. Адель, которая сама не заметила, что произнесла все это вслух, в страхе зажала рот ладошкой. – Ну, вот. Лекарь был прав, придет момент и ты обязательно заговоришь, – рассмеялся Гунальд. Он подошел к девочке и поцеловал ее в черноволосую макушку.

– Ты не хочешь оставлять здесь свои вещи? Бери с собой, – предложил король. Он по своему понял ее протест. Но Адель хотела другого. Что ж, отступить было уже не куда, пора было уже обрести голос.

– Я не об этом! Ах, сир, прошу вас только не туда, не в Сен-Тули! Там, там...после того что произошло, я ... не смогу там жить! – взмолилась Адель протягивая королю руки.

Шестым чувством она поняла что лаской добьется от него больше, чем слезами. Девочка подошла к Гунальду и прижала к его груди маленькую черноволосую головку. Король не скрывая чувств крепко обнял «сестру».

– Ты права, дитя мое, я как-то не подумал что тебе будет тяжело там жить и вспоминать мать, отца... ну, всех остальных. Я возьму тебя с собой в столицу. Поживешь уединенно в своих апартаментах, подучишься, присмотришься, а там глядишь и сама захочешь показать миру свою красоту и бойкий язычок, – сразу согласился Гунальд.

Вот так Аделаида одержала свою первую маленькую победу. Лишь позднее девочка поняла что своими словами навсегда отрезала себе путь к отступлению. Больше не было Аделаиды Лурье, нищей сиротки из маленького прибрежного городка. На блестящем лазурном небосклоне появилась яркая звездочка, которая скоро громко объявит о себе миру – ее королевское высочество, Беренгария Васконская.

Часть 2

Глава 1

Прошел месяц с тех пор как король привез во дворец свою сестру принцессу Брену. С тех самых пор слухи об этой юной красавице будоражили королевство. Сам факт того, что через столько лет в королевском доме неожиданно появилась забытая всеми принцесса, сам по себе удивителен. А то, что девушка не только молода, образованна и красива – стало главной новостью в Васконии. Из замка в замок трубадуры передавали в песнях и балладах эту необыкновенную, почти сказочную историю. Хотя самой Брене, то есть Аделаиде было не до того. Она с замиранием сердца погружалась в новый привлекательный мир взрослых, знатных, богатых людей. Она только, только начинала делать свои первые, робкие и не всегда правильные шаги. Кто-то над ней смеялся, кто-то восхищался, кто-то окидывал презрительным взглядом, стараясь побольнее укусить. Сначала Адель старалась понравиться всем и каждому, но быстро поняла что это невозможно и остановила свой взор на нескольких приятных для нее людях и конечно же короле. В круг ее знакомых вошли несколько молоденьких фрейлин, две три дамы постарше и статс-дама графиня де Лакруа. Последняя пожилая леди была неиссякаемым источником всевозможной информации. Она часами рассказывала всевозможные истории, случаи произошедшие в прежние времена. Знала родословную каждого уважаемого семейства начиная с самых корней. Особенно интересовали Адель рассказы о родителях Брены. Сама она по известным причинам не могла спросить какого цвета были глаза у королевы или волосы у короля и поэтому ей приходилось прибегать к всевозможным ухищрениям что бы выудить необходимую информацию среди бесконечной пустой болтовни старой дамы и самой не попасть впросак. Так пролетел еще один месяц. Двор в спешном порядке готовился к празднованию пятнадцатилетия Беренгарии Васконской. Это был первый день рождения, который девочке предстояло отпраздновать при дворе и ее самый первый официальный выход в свет. Сама Адель ждала этого события с волнением и радостью. И пусть ее собственный день рождения прошел почти пол года назад, девочка с детской непосредственностью ожидала подарков, сюрпризов и веселья, не замечая ничего вокруг. Зато все окружающее все чаще и чаще обращали на нее свое внимание. Слухи об юной принцессе не утихали, а в преддверии праздника множились как грибы после дождя. Только и было разговора как она одета, как ходит, как себя ведет, как ест. Но и конечно главный вопрос, занимающий умы досужих сплетников, на кого она похожа. Слишком уж сильно тонкая нежная красота девочки отличалась от внешности родителей и брата. Точку в этих разговорах поставила как ни странно, сама того не подозревая графиня де Лакруа.

– Ваше величество, а что вы подарите принцессе на день рождения? – как то вечером спросила она у короля.

Большинство придворных давно раширало от любопытства, но никто кроме этой эксцентричной пожилой дамы не осмелился на прямую об этом спросить. Король улыбнулся, пригладив рукой ухоженную бородку. Он знал что до Брены этот разговор не дойдет. Каждый с умным видом будет молчать, хотя бы из вредности.

– У Брены совсем нет драгоценностей, я думаю диадема с сапфирами ее матери, удачно украсит ее симпатичную головку.

– О, да, сир! Помню это было любимое украшения ее величества. Оно так подходило к ее голубым глазам.

– Вот только глаза у принцессы зеленые, в кого только? – вставила свое слово баронесса Монтилье, женщина назойливая и не слишком приятная.

– Да, уж, – рассмеялся король, – раньше я всегда думал, что у Брены глаза голубые, как и у всех детей моей матери.

– Ах, ваше величество! Вы так давно не виделись что и забыть не мудрено. К тому же у многих младенцев при рождении голубые глаза, а потом они меняют свой цвет, – снова высказалась старая графиня.

– Никогда об этом не знал! – искренне изумился король.

– Да, да, да! – закивала головой леди Локруа. – Уж поверьте моему опыту, когда я рожала свою третью дочь... – начала было она, но баронесса Мантилье резко ее прервала:

– И все таки непонятно на кого похожа принцесса?

– Да, известно на кого! В бабуку Марию Испанскую пошла! Впрочем вы при дворе недавно, откуда же вам знать! – графиня быстро поставила выскочку на место. – Тетушка королевы, Мария Испанская, в девичестве Брандербургская, всегда отличалась тонкой красотой словенской ветви. Я еще помню когда эта светловолосая, зеленоглазая красавица в последний раз приезжала ко двору своей племянницы, сир. Ее жизнь была недолгой, но очень яркой. Говорят, после ее неожиданной кончины ее муж Франсуа Испанский сошел от горя с ума. Хотя он и в молодости большим умом не отличался, а уж под старость, да после потери молодой жены...

– А не ее ли руки добивался один из франкских герцогов? – вдруг вспомнил один из пожилых сеньоров.

– Вы правы, сер Жустан, у вас отличная память. Он без ума влюбился в красавицу и даже хотел выкрасть ее из под венца, лишь бы она не досталась старому испанцу. Был страшный скандал. Но саму девушку обвинить было не в чем, герцогиня всегда отличалась тихим нравом.

– В таком случае характер Брена пошла не в нее, – рассмеялся король.

– Вы правы, сир! Принцесса Брена еще себя покажет. Пойдет немного времени и Гутемьерский дворец будут осаждать толпы ее поклонников, – вежливо поддакнула какая-то дама и оказалась абсолютно права.

Уже на следующий день во дворец прибыл посланник от одного из правящих герцогов, с предложением выдать принцессу Васконскую за ... за своего отца. Узнав об этом Адель испугалась не на шутку. Перспектива выйти замуж за пожилого герцога, а если быть точным, за совсем старого, девушку не радовала. Адель со слезами на глазах побежала к брату. Гунальда растрогали слезные мольбы сестры. Да он и сам не собирался расставаться с ней так скоро после встречи.

– Не волнуйся Брена, я обещал над гробом отца что буду заботиться о твоём благополучии и намерен сдержать обещание. Я не отдам тебя старику. К тому же ты еще не достигла брачного возраста, да и отпускать тебя от себя я не хочу.

– А когда я его достигну, ты отдашь меня тому, кто больше заплатит? – с обидой воскликнула Адель. Впервые она разговаривала с королем в подобном тоне, но ее страх оказался сильнее робости.

– Какой ты еще ребенок, Брена. Королевские браки совершаются по другим принципам. Возможно именно мне придется отдать за тебя пол королевства, лишь бы муж оказался достоин этой чести.

– Пожалуйста не отдавай меня никому, – прошептала Адель, с мольбой заглядывая брату в глаза.

– Боюсь, твоя просьба хоть и лестна для меня, малышка, но невыполнима. Пройдет пару лет и ты сама захочешь завести семью. Могу лишь пообещать что постараюсь прислушаться к твоему мнению, при выборе твоего супруга, – с улыбкой пообещал Гунальд поглаживая сестру по блестящей черноволосой головке.

Праздник удался на славу. На него были приглашены самые знатные люди королевства, а так же послы других государств. Брену, то есть Адель, нет все таки Брену, завалили кучей небольших приятных подарков. Были здесь и недорогие драгоценности, и перчатки и отрезы шелка и бархата и парчи и меха. А так же всевозможные перчатки, туфельки, сапожки, плащи, даже пара теплых чулок. И неимоверное количество всякой безделицы. А еще куница, щенки, редкой породы котенок, сокол и красивая кобылка дорогой ахалтекинской породы. Тонконогая, длинноухая, поджарая, с темно коричневой блестящей шерсткой и светлой длинной гривой и хвостом. Увидев эту высокую, редкого окраса лошадку, Адель даже взвизгнула от радости и не обращая внимания на ошарашенных придворных, перепрыгивая через ступеньки, бегом побежала вниз, дабы как можно быстрее обнять свою собственную, самую замечательную в мире лошадку.

– Ахалтекинская порода древнейшая, выведенная человеком, – объяснил девушке король. Гунальд был страстным лошадиником и мог часами рассказывать сестре об лучших породах мара. – Эти лошади родились в оазисах между горами и пустыней. Длинноногие, изящные, с узким профилем и раскосыми глазами. Знаешь, по телосложению они напоминают мне борзых собак, в них за версту чувствуется порода.

– Красавица! Смотри на солнце она почти золотая! – с восхищением воскликнула Адель.

– Да, они бывают и гнедыми и рыжими и соловыми. Он у каждой есть свои неповторимый золотой или серебряный отлив, – объяснил Гунальд.

Не смотря на протесты сестры король повел девушку во дворец. Время для знакомства с новой питомицей еще не пришло. Это было только начало длинного, наполненного церемониями дня. Однако почти каждый час Адель вспоминала об роскошном подарке брата. Сам вечерний пир понравился Адель куда меньше. Она быстро поняла, что ее день рождение было лишь удобным поводом что бы собрать за одним столом самых важных представителей знати. Гости и хозяева быстро забыли о маленькой девочке погрязнув в такие важные, но неинтересные взрослые разговоры. Несколько часов Аделаида стойко переносила скуку. Она сидела за огромным столом по правую руку от короля и с умным видом кивала, улыбалась и снова кивала, силясь хоть что-то понять. Но наконец ее терпение лопнуло. Вежливо попросив разрешение, она с высоко задранном носом вышла из-за стола. Остаток вечера принцесса провела более приятно, в веселой компании юных дам и молодых людей, борющихся за каждое мгновение ее внимания. Но бестолковая трескотня фрейлин и назойливое внимание кавалеров быстро наскучило, ведь все мысли ее высочества были о горе подарков в беспорядке сложенных в ее комнате. И вотждавшись удобного часа Адель вприпрыжку понеслась к себе, не слыша за спиной ни веселого смеха короля ни язвительных замечаний гостей. Это был ее первый бал, но далеко не последний.

Глава 2

– Вы звали меня, сир? – робко спросила Адель.

Молоденький паж нашел ее во одном из залов дворца, где принцесса играла со сворой недавно родившихся щенков. С важным видом, буквально раздуваясь от сознания собственной значимости мальчик передал Адель приказ от короля немедленно явиться в один из малых залов. На просьбу принцессы объяснить причину столь внезапного желания короля увидеть сестру, паж ответил – что ничего больше не знает. Проходя длинными коридорами до указанного зала, который обычно использовался для частных приемов, Аделаида перебирала в уме всевозможные причины подобного вызова. Обычно брат сам приходил к ней во время занятий и с увлечением наблюдая за учебным процессом. Годы скитаний не позволили ему получить более разностороннее образование. Король, сев чуть дальше сестры, мог часами внимательно слушать рассказы ученых мужей об истории, путешествиях, дальних странах. Гунальд был искренне восхищен успехами сестры. Адель от природы обладала замечательной памятью и без труда заучивала большие сложные тексты.

– Похоже всю память нашей семьи бог вложил в твою голову, – шутил король, он-то сам до сих пор путал имена своих многочисленных придворных.

А еще несколько раз в неделю король с принцессой совершали длительные верховые прогулки по окрестностям города. Это было самое приятное для Адель время, когда оба они отбрасывали условность и могли побыть сами собой. Охрана всегда держалась на почтительном расстоянии, давая возможность государю отдохнуть. Иногда брат с сестрой шли неторопливым шагом, увлеченные разговором, а иногда носились вскачь по окрестным полям, стараясь друга друга обогнать. Аделаида, которая по приезду в столицу не умела даже забираться на лошадь, уже через месяц ежедневных тренировок неплохо держалась в седле. Девочка просто обожала свою невысокую красивую кобылку, подкармливая ее яблоками, морковкой и хлебом.

– Ты мой светлый лучик в этом богом забытом месте, – несколько раз говорил король.

Адель грело душу подобное сравнение. Она искренне привязалась к этому непростому веселому человеку, стараясь во всем соответствовать высокому статусу сестры короля.

– И зачем я только ему понадобилась? – спрашивала себя Аделаида, нервно теребя тоненький витой пояс.

Король явно запаздывал и волнение девочки возрастало с каждой минутой. Но вот наконец-то высокие двери распахнулись и в зал вышел улыбающийся король. Гунальд подошел к сестре. Адель по привычке наклонила голову подставляя макушку для братского поцелуя. Это был ежедневный ритуал, который нравился обоим.

– Ну, чем занималась? Выходила гулять?

– Нет, сир. На улице такие тучи что я предпочла побыть дома. У Грезетты позавчера появились щенки и я все утро с ними играла.

– Это рыжая сучка с черными ушками?

– Да сир.

– Хорошая борзая. Только сама не корми щенков, испортишь.

– Хорошо, сир.

– Брена, а у меня для тебя сюрприз, – с лукавой улыбкой сообщил король.

– Правда!? – воскликнула девочка.

Ее большие глаза стали еще больше от плохо скрытого любопытства. Адель даже начала пританцовывать, ожидая когда король вручит ей очередной небольшой подарок. Гунальд часто баловал любимицу всевозможными безделушками. Он до сих пор чувствовал свою вину перед

сестрой за ее долгое томительное изгнание. Однако в руках у короля ничего не было, а сам он лишь хитро улыбался поглядывая на сестру.

– Что это? Что-то крупное? – наконец не выдержала Адель.

– Нет, скорее изящное, – рассмеялся Гунальд.

Паж открыл высокие двери, пропуская вперед невысокую худощавую женщину в простом недорогом платье. Несколько секунд король и его сестра молча смотрели на вошедшую, а потом Адель начала бить крупная дрожь. Она узнала эту пожилую женщину, хотя никогда прежде ее не видела. Но Брена так часто рассказывала о ней с любовью, нежностью, тоской, что Адель просто не могла ее не узнать.

– Няня!?! – тихо прошептала она.

– Графиня!?! Неужто даже вы не узнали Брену? – рассмеялся Гунальд.

Женщина вздрогнула, впившись взглядом в лицо незнакомой ей девочки. Уж ее то не проведешь. Она не будет молчать, поняла Аделаида, взглянув на нахмуренные брови графини. Няня Брены презрительно поджала губы. Она даже вздохнула, что бы высказать королю все, что она по этому поводу думает. «Пропала, я пропала!» – крутилось в голове у Адель. Ей нужно было что-то срочно делать. Наконец она решилась. Не давая графини опомниться девочка бегом пробежала по залу и буквально повисла на шее у изумленной женщины.

– Ах, нянюшка, нянюшка. Моя дорогая леди Марика! – громко закричала она. Однако почувствовав, что графиня стала отталкивать ее от себя, тихо зашептала ей на ухо:

– Прошу вас подыграйте мне. Я все вам объясню. Сир! – уже более громко сказала Адель, – позвольте мне увести графиню к себе. Мы так давно не виделись, а мне хочется ей все, все рассказать! – И не дожидаясь ответа, девочка потащила растерянную женщину из зала.

– Спасибо, сир, – выходя в дверь воскликнула Адель, посылая королю на прощание воздушный поцелуй.

Как только закрылись тяжелые двери, леди Марика выдернула свою руку из цепкой хватки Адель.

– Ну, потрудитесь объяснить что здесь происходит, юная леди! – с вызовом спросила графиня.

Да, она была крепким орешком. В ней за версту чувствовалась порода и несгибаемый внутренний стержень. Таковую не обманешь. Посмотрев на ее задранный подбородок и прямую спину Адель вдруг всхлипнула.

– Никакая я не леди.

– Что ты сделала с Бреной!?

– О, нет! Вы не подумайте! Прошу вас, пройдемте в мою комнату и я все, все вам расскажу, – взмолилась Аделаида подняв на графиню полные слез глаза.

Пожилая женщина кивнула и пошла за «принцессой» все еще недовольно поджав губы.

– Понимаете, я жила... Брена была... – Адель в слезах всплеснула руками, слова не шли с языка. – Я даже не знаю с чего начать.

– Начните с начала, – посоветовала графиня. Она примостилась на краюшке кресла, потирая озябшие руки.

– О, вы замерзли, я крикну горничную и она быстро затопит камин, – воскликнула Адель.

– Не стоит. Я думаю лишние свидетели нам не нужны. Дров много я сделаю это сама.

– Ну, что вы! Я сама все разожгу, я умею! Я ведь была служанкой у леди Беренгари.

– Служанкой у Брены!? Но почему ты здесь и где она!?! – в изумлении подняла брови леди Марика. Адель тяжело вздохнула, поставив на пол полено. Руки ее предательски дрожали.

– Наверное вы правы, я лучше расскажу все с начала, – начала свое долгое повествование Аделаида. – Мне было пять лет, когда умерла мама. Она ... она работала в порту. Наш

рыбацкий поселок примыкал к небольшому портовому городку Сан Жан де Люз. Вы наверное и не слышали о таком.

– Нет.

– Потом меня воспитывал священник...

Адель все говорила и говорила. Почему-то этой женщине с добрыми глазами хотелось рассказать все. Казалось она все, все понимает. Очень скоро леди Марика узнала и о житье девочки в монастыре и о ее нелегкой службе у принцессы и о переписке с королем и о нападении банды Лютого. Потом? Адель рассказала о приезде Амандо, о своем обмане и своих сомнениях, скрыла она лишь о своих чувствах к герцогу. Даже с этой женщиной девочке не хотелось затрагивать эту интимную тему. О бытие во дворце Адель поведала без подробностей, поняв что леди Марика о нем уже слышала. Когда Аделаида замолчала она в изнеможении опустила на краешек кровати, почувствовав что у нее абсолютно нет сил. Адель со страхом ожидала самого строгого приговора. Однако графиня Торезо не стала ее ругать. Она присела рядом и обняла худенькое тельце девочки.

– Милая моя, как же много тебе пришлось пережить! – после этих слов Адель вдруг всхлипнула и громко разревелась в голос.

Ее до глубины души тронуло участие пожилой женщины. Так они и сидели вдвоем, обнявшись и даже вздрогнули, когда без стука отворилась дверь и в комнату заглянул король. Гунальд быстро смекнул что он явился не вовремя и тактично закрыл за собой дверь.

– Когда вы... вы ему скажете? – робко спросила Адель. Ей очень не хотелось причинить боль королю.

– Если все будет хорошо, то – никогда, – с улыбкой ответила графиня.

– Ни...никогда!? Но почему? Я ведь все вам рассказала!

– Именно поэтому я ничего ему не скажу. Я же вижу как он к тебе привязался, даитык нему. Эта ниточка тянется давно, с начала переписки. Знаешь, король навещал Сен-Тули года три назад и он показал мне твое письмо. Я была просто потрясена и тем участием с которым оно было написано и той нежностью, которой светились глаза Гунальда. С момента гибели его родителей, он впервые улыбался не только губами.

– Брена она тоже любила брата.

– В какой-то степени, но больше всего на свете Брена любила только себя! Не спорь, я знаю. Конечно болезнь наложила на нее свою лапу, но Беренгария никогда не была чутким ребенком. И пусть принцесса родилась на подмостках трона, она никогда бы не смогла стать публичным человеком, жить на виду у всех, да и никогда она этого не хотела.

– Но ...

– А ты смогла. По всему королевству говорят о красавице принцессе, достойной дочери своих родителей.

– Я просто хотела, что бы король гордился...

– Молодец! Он гордиться. Ты все сделала правильно. Не стоит сходить с пути, который дан тебе богом. У тебя хорошие задатки и доброе сердце. Ты будешь не только достойной принцессой, но и со временем великой королевой!

– Вы так думаете!? Но как же это... это ведь ошибка. Во мне нет королевской крови!

– А насколько я помню, есть! И ее больше чем в некоторых других королях, добывших себе трон силой или хитростью. Это твой путь, Аделаида. Иди по нему достойно, с высоко поднятой головой! Я никогда тебя не выдам.

– Спасибо вам, мадам! – воскликнула Адель и снова разревелась, но уже от облегчения.

– Ну, полно тебе, душенька, а то мы весь первый этаж затопим! – пошутила пожилая женщина, вставая.

– Куда вы?

– Домой. Я увидела то, чего хотела. Моя душа спокойна. Я возвращаюсь в Сен-Тули.

– Нет, что вы!?! Не бросайте меня здесь! – испугалась Адель. – Вы очень мне нужны. У меня никого здесь нет, да и вообще нигде нет. Я поговорю с королем, он щедро вас наградит. У меня есть драгоценности, я вам их отдам... только пожалуйста побудьте при мне, ну хотя бы какое-то время?

– Почту за честь, ваше высочество. Я с удовольствием останусь с вами. О, нет, оставьте, – рассмеялась графину, заметив как Адель бросилась к сундучку. – Драгоценности вам еще пригодятся, уж поверьте мне, ваше высочество. Я думаю король нам не откажет.

– Спасибо, мадам! Только... только не могли бы вы звать меня Адель. Когда мы наедине, конечно.

– Хорошо, дитя мое. Но при людях вы всегда будете для меня вашим королевским высочеством, принцессой Беренгарией Васконской, – согласилась графиня. Вот так началась ее служба у маленькой одинокой девочки.

Дни молодой принцессы Беренгарии проходили в приятной суете и хлопотах. Охота и конные прогулки по утрам заканчивались плотным обедом и отдыхом. В то время, когда политическая жизнь двора только начиналась и толпы просителей, придворных и челяди сновали по коридорам, жизнь на женской половине после обеда затихала. В эти после обеденные часы Аделаида могла отдохнуть в женских покоях, склонившись над вышивкой, в полудреме прислушиваясь к неторопливому разговору придворных дам. Здесь можно было просто молчать и слушать, слушать и запоминать. И девушка впитывала в себя как губка, собирая по крупицам, то самое ценное, что не пришло к ней вместе с богатством и властью опыт, жизненный опыт придворного быта. Вся ее жизнь даже в эти часы проходила на виду. Аделаида еще не слишком хорошо освоилась при дворе и уставала от необходимости постоянно находится под прицелом сотни глаз, которые выискивали в ее манерах, ее поведении, в ее речи малейшие неточности и с удовольствием смаковали каждую из ее ошибок. Только сейчас девушка начала понимать, что закрытая в стенах монастыря она имела куда больше свободы чем здесь, окруженная слугами, няньками, дамами и охраной. Каждый ужин при дворе, к которому приходилось готовиться чуть ли не с обеда, напоминал сложный отрететированный спектакль со своими церемониями и правилами. И только поздно вечером, когда дамы сопровождения уходили спать, а графиня Торезо закрывала на защелку толстую дубовую дверь, девушка наконец-то могла побыть самой собой и поделиться с «няней» горестями и радостями, накопившимися за день. Несмотря на все это Аделаида была в общем-то счастлива здесь, любимица короля, обласканная вниманием дам и особенно кавалеров, эта юная красавица заблестела яркой звездой на небосводе Васконского двора. Богатая наследница, сестра короля сама по себе была лакомым кусочком для знатнейших дворян, а уж в купе с красотой, и юной свежестью... Что и говорить дни насыщенные развлечениями и учебой летели незаметно, а список претендентов на руку принцессы Васконской заметно рос.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.